

ЕЕ КРОВНАЯ МЕСТЬ

ИРИНА ГРАДОВА

НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Ее кровная месть

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Ее кровная месть / И. Градова — «Эксмо», 2019 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-04-099200-3

Ничего фантастического: в Петербурге орудует банда вампиров – или врачей, которым хочется, чтобы их принимали за вампиров. Отдел медицинских расследований, с которым сотрудничает Агния Смольская, берется за дело о заражении донорской крови, удачно замаскированном под шалости поклонников графа Дракулы. Но им ли, опытным медикам, не знать, что связь с донором – это всегда больше, чем только химия, и всегда серьезнее, чем игры в вампиров. С чужой кровью – как в любви: здесь передаются невидимые токи, фобии и привязанности, грехи и страсти... Ранее книга издавалась под названием «Инородное тело»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099200-3

© Градова И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Градова

Ее кровная месть

© Градова И., 2019

© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

1458 год, Трансильвания, замок господаря Влада Дракулы Цепеша

Зал выглядел бы чертовски мрачно, если бы не десятки факелов, зажженных слугами и горевших ярким пламенем. Стол ломился от яств, музыканты выбивались из сил, играя самые веселые мелодии, но эта подчеркнуто веселая обстановка не могла обмануть заморских гостей: то и дело они ловили на себе взгляды слуг, и в этих взглядах гораздо явственнее, чем в словах, читалось нечто, от чего у послов время от времени мурашки пробегали по спине. Дракула вел себя в высшей степени дружелюбно, и это ставило в тупик. Все были наслышаны о жестокости этого румына-варвара. Стать посланниками султана обычно считалось большой честью, но в данный момент эта миссия представлялась гостям скорее наказанием, грозившим плохо закончиться. Одним из случаев, описанных при султанском дворе и наиболее потрясших как самого султана, так и приближенных своей необъяснимой и бессмысленной жестокостью, был рассказ о том, как Дракула пригласил в свой дворец множество нищих. Накормив их до отвала, он внезапно спросил, не желают ли они избавиться от земных страданий, ведь жизнь их так тяжела, а участь так несправедлива. Надеясь на дальнейшие милости со стороны хозяина, разомлевшие нищие ответили утвердительно. Тогда Влад сделал знак своим слугам и вышел. Удивленные нищие, не понимая, что происходит, смотрели, как слуги закрывали тяжелые двери. Только услышав, как с наружной стороны гроыхнула тяжелая щеколда, запершая их в пустом зале, гости сообразили, что происходит что-то неладное. Они кинулись к дверям, стучась и умоляя их выпустить. А Дракула с безмятежной улыбкой наблюдал за тем, как его слуги завалили двери сухим хворостом и подожгли. Такова была «милость» господаря, явленная во всей своей полноте.

Показное дружелюбие хозяина и его двора никого не могло обмануть: все словно застыло в ожидании, вопрос лишь – в ожидании чего? В этот момент Влад взмахнул рукой, и музыканты оборвали игру. Кузен господаря, Штефан чел Маре, сидевший по правую руку от него, поднял тяжелый золотой кубок.

– Мы рады приветствовать посланников султана в этом дворце! – торжественно произнес он. – Это говорит о том, что мир между нами возможен, и мы рады признать, что султан сделал шаг доброй воли. Я хочу выпить за будущее, которое представляется мне светлым и безоблачным!

С этими словами Штефан, огромный, как бочонок с вином, опрокинул серебряный кубок, осушив его одним глотком. Все последовали его примеру, включая посланцев, обычно отказывающихся от спиртного, но сейчас не рискнувших противоречить хозяевам замка.

– Отличный тост! – похвалил кузена Дракула, пребывавший в прекрасном расположении духа. – И я также благодарен вам, господа, за визит, – он кивнул в сторону иностранных гостей, – но меня мучает один вопрос...

Послы невольно напряглись: каждое слово, произносимое господарем, отражаясь от толстых каменных стен, улетало под высокие своды зала, эхом отдаваясь в огромном полупустом пространстве.

– Вопрос у меня такой, – продолжал Дракула, пристально рассматривая сидевших за столом мусульман. – Неужели господа послы испытывают к принимающей их стороне так мало уважения, что сидят с покрытыми головами?

Если до этого момента в зале и слышались какие-то иные звуки, кроме голоса Влада, то сейчас, казалось, даже огонь в камине перестал трещать – такая мертвая воцарилась тишина. Старший из послов, Мухаммед ад-ибн Сид, поднялся со своего места.

– Прошу простить, господин, если мы своим видом невольно оскорбили вас, – произнес он, тщетно пытаясь придать своему голосу твердость, – однако, в соответствии с Кораном,

мусульманин обнажает голову лишь перед Аллахом. Ни один смертный не может этого требовать – таков наш закон.

Сказав это, он сел, чувствуя, как по спине сбегает предательская струйка пота. Однако выражение лица Дракулы не изменилось, оставаясь по-прежнему дружелюбным.

– Что ж, – произнес он, – я чту ваш закон, господа. Однако, – тут же добавил он, – у нас также есть свой закон, и этот закон гласит, что всякий гость, проявивший неучтивость в отношении хозяина и отказавший ему в выполнении простой просьбы, теряет свой дипломатический статус.

Его рука плавно описала в воздухе дугу, и, не успели послы понять, что происходит, как слуги Дракулы скрутили им руки за спиной. Не имея возможности пошевелиться, они расширившимися от ужаса глазами наблюдали за тем, как Влад что-то шептал на ухо кузену. Глаза Штефана загорелись, и он, распрямившись, воскликнул:

– Дабы не оскорблять вашего бога, господа, мой господин и кузен распорядился сделать так, чтобы головные уборы никогда, даже по случайности, больше не покидали ваших голов!

Гвозди вошли в затылки посланников почти одновременно, а их крики слились в единый вой, правда, продолжавшийся недолго. Пропоров ткань чалмы, металлические штыри пробили кости черепа каждого из иноземных гостей и вышли через подбородок. Кровь мгновенно залила стол, а Дракула, протянув кубок Штефану, с удовольствием глядевшему на развернувшуюся перед ним сцену, сказал:

– Наполни-ка кубок, кузен: хочу поглядеть, какого цвета кровь у этих иноверцев – такая же красная или с примесью зеленого цвета?¹

Гости, на несколько секунд ошарашенные происшествием, молча смотрели, как Штефан наполняет кубок кровью старшего из посланников.

– Красная! – с некоторой долей изумления возвестил Дракула, изучив его содержимое. – Столь же красная, что и у каждого в этом зале!

Боясь, как бы гостеприимный хозяин не возжелал теперь проверить, действительно ли это так, остальные гости поспешили вернуться к трапезе, обращая мало внимания на тела несчастных послов, лежавших у дальнего конца стола. По мановению руки Влада музыканты вновь грянули бравурную мелодию. Пир продолжился.

Первым, кого увидел майор Карпухин, припарковавшись на обочине шоссе и выйдя из старенького «жигуленка», был Паша Трофименко, его стажер. Он стоял, прислонившись к дереву, и поначалу Артем не заметил ничего необычного. Однако, приблизившись, он увидел, что лицо у стажера блее мела, а рот перекошен в гримасе отвращения. При виде майора парень сделал над собой усилие и оторвался от древесного ствола.

– З-здравия ж-желаю, товарищ майор, – пробормотал он срывающимся голосом.

– Что, так плохо? – нахмурился Артем, озираясь по сторонам. Неподалеку копошились люди в камуфляже, среди которых он заметил человека в белом халате с накинутым поверх него дождевиком.

– Ой-й-й...

Это было все, что произнес в ответ стажер, и Карпухин понял, что больше никаких полезных сведений от Павла ему получить не удастся. Больше всего на свете Артем не любил вставать по утрам. Он мог пережить работу допоздна, даже всю ночь, грязь, плохую погоду (как сейчас), любые неудобства, но продирать глаза в половине четвертого утра, когда он всего-то пару часов назад выключил телик и только-только начал видеть первый полноценный сон, – это же настоящий кошмар. А уж перед выходом из дома не успеть выпить хотя бы чашку кофе – и вовсе пытка!

– Кофе, Артем Иванович?

---

¹ Зеленый – официальный цвет ислама.

Мелодичный девичий голосок заставил майора встрепенуться. Это оказалась Лара Демина, новая помощница судмедэксперта. Они познакомились на прошлой неделе, когда девушка только появилась в качестве стажера Егорыча. Симпатичная деваха, маленькая, полненькая, но не рыхлая, а крепко сбитая, с копной выющихся русых волос и любознательными каре-зелеными глазами.

– Господи, да где ж ты его раздобыла? – с восхищением поинтересовался Карпухин, принимая из рук Лары пластиковую кружку с горячим кофе.

– Я всегда ношу с собой термос, – скромно ответила она. – Особенно в такую адскую погоду!

Сделав пару глотков и в очередной раз подивившись способности кофеина мигом приводить человека в чувство, майор спросил:

– Так что там творится-то?

– Ой, не спрашивайте – лучше сами посмотрите, Артем Иванович! – неопределенно махнула рукой девушка и повела его в ту сторону, где копошился народ.

– Четвертый! – возвестил чей-то голос, и, покрутив головой, Карпухин определил, что кричал молодой сержант с лопатой, стоявший на краю чего-то, отдаленно напоминающего траншею.

– Не четвертый, а пятый, – поправил его другой голос, и майор узнал недовольные интонации Егорыча. Подойдя к краю ямы шириной около метра и длиной раз в десять больше, он увидел тела. Они лежали, упираясь ногами в темя друг другу, словно чье-то больное сознание намеренно разместило их в цепочку связанных смертью людей.

– Что это – скифский курган? – пробормотал Артем, отступая назад и вопросительно глядя на судмедэксперта.

– Ага, – ухмыльнулся тот, – точно, курган. Только вряд ли скифский: насколько мне известно, те ребята все больше в Западной Украине проживали, а эти – нашенские.

– И что за люди?

– Пока я только первого осмотрел, – слегка пожал плечами Егорыч. – Он лучше всех сохранился, так как умер недавно. Судя по всему, бомжик – ни документов, ни бумажника, да и одежонка поношенная.

Майор с сомнением осмотрел тело, лежавшее у его ног и едва прикрытое простынкой, уже порядком промокшей от дождя.

– Значит, личность его установить невозможно?

– Почему же невозможно? Вот сюда погляди, – и он приподнял руку трупа, казавшуюся деревянной. Рукава теплой не по сезону куртки были слишком коротки для довольно крупного мужчины, каким при жизни являлся покойный, – явно с чужого плеча. Обнажив руку до локтя, Егорыч пальцем затянутой в перчатку руки указал на татуировку в виде стрекозы. Кроме рисунка, там еще виднелись полустертые буквы и номера.

– Я так подозреваю, это название колонии и номер отряда? – спросил Карпухин.

– Скорее всего, но надо бы проверить, – ответил судмедэксперт.

– Как давно он помер?

– Не больше пары суток тому назад.

– А остальные?

– Да погоди ты с остальными, майор, причина смерти тебя не интересует, что ли?

– А что, она какая-то особенная?

– Особенная, особенная, – пробурчал Егорыч, с трудом поворачивая голову покойника так, чтобы Карпухин мог видеть его шею. – Вот, глянь-ка!

У самого основания шеи виднелись какие-то странные пятна. Это могли быть и трупные пятна, уже начавшие разливаться по телу, или просто грязь, ведь мужик, скорее всего, не мылся несколько месяцев.

- И что?
- Что «и что»? – возмутился Егорыч. – Вот она, причина смерти, не видишь, что ли?
- Змея, что ли, его укусила? Подпрыгнула повыше и...
- Ох и тяжело же с тобой, Иваныч! – с безнадежностью в голосе вздохнул судмедэксперт. – Какая, к черту, змея, а? Ты хоть думай, что говоришь-то!
- Лучше ты мне скажи, а то я твоих китайских эквивалентов не понимаю, – огрызнулся Карпухин. – Отчего мужик помер?
- Кто-то высосал у него кровь – вот отчего!
- С минуту майор не знал, что и сказать. Его глаза округлились, но в них все еще читалось недоверие к словам Егорыча, словно он надеялся, что тот пошутил.
- Высосал? – запинаясь, проговорил он наконец. – И что же это за сосун такой?
- Если б знать, – развел руками судмедэксперт. – Помнишь, на днях по телику показывали репортаж о чупакабре?
- Чупа... что?
- Ну, чупакабра, чудище такое, на кур нападает, на домашний скот.
- Понятия не имею, о чем ты! А на людей этот чупа-чупс тоже нападал?
- Про людей ничего не говорилось.
- Ну, вот и забудь: чудовища – они все в сказках и фильмах ужасов, а мы имеем дело с людьми, все зло – от них.
- Ладно, – вздохнул Егорыч, как показалось Карпухину, с сожалением. – В патологической лаборатории покопаюсь в этих ребятах поподробнее. Как что выясню – позвоню.

* * *

Обожаю такие часы, как сейчас! В последнее время мы с сынулей видимся не так часто, как хотелось бы. Хотя, наверное, справедливо было бы уточнить – не так часто, как хотелось бы мне. Он вырос и сейчас вращается в кругу людей, в обществе которых я чувствую себя не совсем комфортно. И дело не в возрасте – большинство теперешних приятелей Дэна старше его и даже старше меня. Проблема в том, что наши миры так же далеки друг от друга, как небо и земля, и, несмотря на кажущуюся связь линий горизонта, на самом деле они никогда не соприкасаются, как не соприкасаются сферы наших интересов, а потому ни о каком гармоничном взаимодействии не может идти речь. Я то и дело ловлю себя на мысли, что этот «богемный кружок», как называет его Шилов, мой муж, вызывает у меня недоумение и образ жизни этих людей мне абсолютно чужд. Нет, они вовсе не плохие люди, просто они – другие, предпочитающие ночь дню, проводящие долгие часы в разговорах об искусстве и его новых направлениях, ненавидящие порядок и приверженные скорее анархии, нежели любому, даже самому справедливому государственному строю. Единственное, о чем я всегда просила Дэна, – не погружаться в эту среду слишком уж глубоко. Для меня «глубоко» означает обильные возлияния, участие в оргиях (или как там у них это сейчас называется) и употребление разнообразных наркотических средств. К счастью, у Дэна пока хватает ума не следовать слепо порядкам, установленным в его новом окружении, поэтому я хоть и не безмятежно спокойна, но все же более или менее удовлетворена его поведением.

Но об этой конкретной встрече попросил именно сынуля, и я, несмотря на свою радость, не могла не подумать о плохом. Если он звонит и приглашает «выпить вместе кофейку в каком-нибудь приятном месте», не означает ли это, что у него серьезные проблемы? Поэтому, вопреки обыкновению, я прискакала в кафе «Абрикосов», что на Невском проспекте, раньше назначенного времени. Народу было немного – конец рабочего дня еще не наступил, – и я, сидя в полупустом зале, сделала заказ за себя и за него – в конце концов, мать знает вкусы своего ребенка даже лучше, чем он сам. Сынуля появился ровно в половине пятого, как мы

и договаривались. При виде меня, восседающей за столиком у окна, на его лице отразилось приятное изумление: а ведь его мамаша никогда и никуда не приходит вовремя, оставляя за собой право опоздать минут на пятнадцать – с этим ему пришлось давным-давно смириться.

– Привет, маманька! – поздоровался он, клонув меня в щеку. Пока Дэн усаживался и придирчиво инспектировал лежавший на его тарелке яблочный штрудель, я с удовольствием разглядывала молодого мужчину, в чьей компании мне предстояло провести приятное время. И как это мне удалось произвести на свет такого красавчика, ума не приложу! Говорят, все матери считают своих детей великолепными, но я достаточно объективна, чтобы утверждать: Дэн – настоящее произведение искусства. Кстати, это не только мое мнение, но и той разношерстной и разномастной толпы девушек от пятнадцати до тридцати пяти лет, беспрестанно преследующих моего сынулю. С одной стороны, мне такой расклад льстит, с другой – я немного опасаясь, как бы Дэн раньше времени не сделал меня бабушкой!

– Ты что рассматриваешь меня так, будто я – бурая плесень в чашке Петри? – подозрительно глядя на меня наглыми голубыми глазами своего папаша, спросил сын. Сравнение показалось мне весьма неуместным, но я только рассмеялась:

– Да вот смотрю, какой ты у меня симпатяга!

– Да ладно тебе...

Он покраснел, как девушка, и мгновенно стал выглядеть на свои девятнадцать, а не на двадцать пять, как в тот момент, когда только вошел в кафе, щеголевато одетый в светлый спортивный пиджак, американские джинсы (наверняка очередной подарок моего бывшего мужа) и с шарфом, намотанным вокруг шеи, словно на дворе стояла осень, а не разгар лета.

– Ты тоже ничего, – вернул он мне комплимент. – Цветешь и пахнешь. Как Шилов?

– Не знаю – мы практически не видимся... с этой его новой должностью...

В самом деле, некоторое время тому назад мой муж Олег уволился с должности заведующего отделением травматологии и ортопедии в больнице, где мы вместе работали, и принял питерский филиал частной клиники «Авиценна» в качестве главврача. С тех пор он стал задерживаться на работе до десяти, а то и до одиннадцати часов вечера, и хотя уровень нашего благосостояния значительно возрос, отношения заметно охладились. Мы по-прежнему неплохо проводили вместе время, когда оно у нас было, и даже занимались любовью, что все еще доставляло удовольствие нам обоим, но прежнего доверия и близости между нами не наблюдалось. Я не могла забыть того, что у него была любовница, и до сих пор не знала, продолжают ли эти отношения².

– А как Лицкявичус?

Это – тоже большая тема. Мы с Андреем недавно стали любовниками, хотя долгое время до этого ощущали, что нас непреодолимо тянет друг к другу. Я была замужем, а он, являясь моим начальником по ОМР, Отделу медицинских исследований, где я подрабатываю, не мог открыто выражать своих чувств. Мы до сих пор скрывались даже от самых близких людей, по этой причине мой сын не знал о том, что наши отношения с Лицкявичусом неожиданно перетекли в интимное русло. Но только после того, как я узнала об измене мужа! Так что, в сущности, в вопросе Дэна не было скрытого подтекста – он лишь интересовался здоровьем моего босса, который всегда ему нравился, в отличие от Шилова. Правда, на этот счет я не слишком обманывалась, ведь Андрей не являлся моим мужем, а потому им с сынулей просто нечего было делить!

– Он в порядке, – ответила я на его вопрос. – Сейчас ведет какое-то дело.

– И тебя не подключил? – удивился сын.

– Ну, я же не во всех расследованиях участвую! Но ты, дружок, мне зубы не заговаривай. Ты ведь не просто кофе со мной выпить хотел, верно? Что-то случилось?

---

² Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Хоровод обреченных».

Дэн открыл было рот, но тут к нам подскочила официантка и поинтересовалась, не пора ли подавать напитки. Когда она отошла, он сказал:

– Знаешь, я с тобой о Денисе хотел поговорить.

– О Денисе?

Я никак не ожидала, что разговор пойдет о нем. Денис был сыном моей институтской подруги Люды Агеевой, которую все мы в группе за глаза называли Мамочкой. Прозвище Мамочка приклеилось к ней потому, что Люда была на курсе старше всех: нам, желторотым девчонкам, едва исполнилось по восемнадцать, а ей тогда уже перевалило за двадцать пять – просто старуха! Кроме того, она уже родила Дениса и именно поэтому так поздно поступила и оказалась с нами на одном курсе. Но Люду прозвали Мамочкой не только из-за возраста, но и из-за ее отношения к нам, почти материнского, ласково-снисходительного. Мы постоянно бегали к Люде за советами, она утешала нас и вытирала мокрые носы и глаза, когда у нас случались «катастрофы», и убеждала, что ничего страшного на самом деле не произошло. Люда подкармливала вечно голодных иногородних сокурсниц домашними сырниками и блинчиками, и они на протяжении всех лет обучения чувствовали над собой ее крыло. К несчастью, я потеряла Мамочку в прошлом году – ее убили нечистоплотные дельцы от медицины, пытавшиеся заставить ее написать фальшивое заключение по клиническим исследованиям. Этим делом занимался ОМР, и мы нашли убийц. Мамочка догадывалась, что ей угрожает опасность, поэтому перед самой гибелью написала мне письмо с просьбой позаботиться о Денисе. Парень на несколько лет старше Дэна, но, в сущности, все еще мальчишка. По мере сил и возможностей я, конечно, стараюсь присматривать за ним, но как, скажите на милость, это осуществить, если «объект» не желает быть под присмотром? Денис на голову выше меня, у него косая сажень в плечах – и я должна убедить его, что ему нужны моя помощь и защита? Тем более что долгое время мы с Денисом не общались: я пропустила и период его взросления, и болезненный развод его матери с мужем, когда парень объявил отцу настоящую войну, и «нарисовалась» на горизонте лишь в связи со смертью Мамочки. За почти пятнадцать лет молчания Денис успел забыть меня и, хоть и по-прежнему называл тетей, скорее всего, не испытывал ко мне никаких чувств, кроме разве что досады оттого, что я лезу в его жизнь и пытаюсь запоздало принять в ней какое-то участие. Это тем более печально, что с отцом отношения у Дениса по-прежнему не складываются. К счастью, Дэн взял на себя заботу о том, чтобы Денис не чувствовал себя одиноким. Удивительно, но, несмотря на долгий перерыв в отношениях, ребята легко сошлись вновь, несмотря на разницу в интересах и характерах. Таким образом, я вроде бы выполнила завет Мамочки и одновременно не особо затруднилась с этим. Не скрою, мне было стыдно, но я просто ничего путного придумать не смогла, чтобы достучаться до Дениса. И вот теперь сын заявляет мне, что хочет о нем поговорить, и это может означать лишь одно: я проморгала что-то важное!

– Мам?

Вопросительные интонации в тоне Дэна вернули меня к реальности – видимо, я слишком надолго задумалась и выпала из контекста нашей беседы.

– Д-да, Дэн, я тебя слушаю.

– Ты как-то странно выглядишь! Ладно, вот в чем дело: с Денисом что-то происходит в последнее время. Понимаешь, мне казалось, что он пережил смерть тети Люды и вернулся к нормальной жизни, но...

– Ты меня пугаешь, – пробормотала я, и это на самом деле было так. Сынуля не отличается любовью к длинным предисловиям, и сейчас его попытка правильно подобрать слова, чтобы чрезмерно не расстроить меня, возымела как раз противоположный эффект.

– Да нет, ты не подумай – ничего такого не случилось, просто... Этот твой Павел Кобзев – он хороший психиатр?

Вот теперь я по-настоящему испугалась, и это, очевидно, тут же отразилось на моем лице.

– Ты считаешь, что Денису нужен психиатр?

– Ну, мам, он же, как это говорится, пережил психологическую травму – его мать убили, причем убили те люди, с кем он дружил. Мне кажется, ему требуется помощь.

– А что навело тебя на мысль о том, что Денис не в порядке? – перебила я. – Он тебе что-то сказал? Или что-то сделал...

– Да нет, в том-то и дело – ничего такого, ма! Но я тут, когда в последний раз к нему заходил, случайно заглянул в холодильник – у него там мышь повесилась.

– Может, он ест вне дома? – сделала я слабую попытку примириться с действительностью. – В кафе ходит или...

– Да никуда он не ходит, можешь мне поверить, – снова перебил меня Дэн. – Кроме того, он совсем забросил учебу – последний курс, ты же понимаешь, а он практически не посещает занятий.

– Откуда тебе стало об этом известно?

– Так, кое-кого порасспрашивал, – уклонился от прямого ответа сын. – И вот еще что. Даже не знаю, как тебе об этом сказать.

– Да говори уж как есть – сердце у меня здоровое, так что инфаркт не хватит!

– Ты должна кое-куда сходить, чтобы убедиться, что Дениса нужно вытаскивать.

– Куда сходить, ты о чем?

– Вот, держи, – и он протянул мне какой-то пластиковый кругляшок, похожий на номерок из театрального гардероба. – На обратной стороне – адрес.

– Адрес чего?

– Арены.

– Слушай, Дэн, в такие моменты, как сейчас, я начинаю сомневаться в твоей адекватности...

– Мам, это – арена бойцовского клуба на завтрашний день: они каждый раз меняют место, потому что бои без правил противозаконны.

– Бои без правил?

– Господи, ма, а я тебе о чем толкую?

– погоди, ты хочешь сказать, что Денис посещает бои без правил?

Сынуля взвыл:

– Нет, мама, он их не посещает, он в них участвует!

Я была настолько ошарашена, что не знала, как реагировать на заявление Дэна. Видя мое замешательство, он сказал:

– Тебе обязательно нужно это увидеть своими глазами.

– А ты видел?

– О да, – хмыкнул он. – Это что-то с чем-то... Короче, мать, я тебе все рассказал, все дал, даже могу подвезти до места, потому что это на пустыре, вокруг – ни души, а начало в половине десятого вечера.

– Подвезти? На чем это ты собираешься меня подвозить?

Дэн отвел глаза, и я тут же поняла, в чем дело: наш папаша, видимо, осуществил-таки свою «угрозу» и презентовал сынуле автомобиль. Я знала, что он посещает курсы вождения, но полагала, что это – на будущее, так как всегда была против того, чтобы Славка баловал Дэна дорогими подарками. Два года тому назад он подарил ему квартиру, но я и бабушка встали стеной, считая, что парню еще рано жить самостоятельно, особенно учитывая его образ жизни и то, какие толпы народу сразу же начали бы таскаться в его отдельные апартаменты, расположенные вдалеке от бдительного родительского ока! Однако сейчас было не совсем подходящее время для выяснения отношений с сыном, так как гораздо больше меня беспокоило то, что я только что услышала о Денисе.

– А ты разве со мной не пойдешь? – спросила я.

– Да ни за что на свете: я уже насмотрелся во как! – И в подтверждение своих слов он провел ребром ладони по шее. – Зрелище не для слабонервных. Я подожду тебя снаружи, если не возражаешь.

* * *

Артем захлопнул отчет, представленный ему Павлом Трофименко. Он все бы отдал за то, чтобы ошибиться, но, похоже, теперь сомнений не оставалось.

– Что сделали с телом? – спросил он.

– Отдали родителям. Я позвонил им, парня похоронили неделю назад.

– Плохо, очень плохо...

– Нет, это еще не самое плохое, – вздохнул Трофименко, и майор подозрительно поглядел на него: что еще может быть хуже того, что уже произошло? И тут его внезапно осенило:

– Н-нет, ты же не серьезно, да?

– Журналисты пронюхали, Артем Иванович, они уже приходили к Киреевым и брали интервью!

– Ох ты боже ж мой! – схватился за голову Карпухин. – Теперь нас просто живьем слопают!

– Думаете, все так серьезно? – нерешительно пробормотал Павел.

– Да неужели ты не понимаешь? В городе, друг мой, орудует вампир – что, скажи мне, помешает им раздуть из этого историю о современном Дракуле?

– Но это же сказки, неужели люди...

– Люди? Да люди верят всему, какую бы лапшу ни вешали им на уши из «ящика»! Знаешь самый главный закон средств массовой информации?

– Какой закон?

– Чем невероятнее ложь, тем легче в нее верят! Интересно, интервью уже прошло по телевидению?

– Да, вчера.

– Мне нужна запись.

– Есть, товарищ майор!

– А я свяжусь с патологоанатомом: как вообще он мог передать тело родственникам, установив такую причину смерти?

– Что же, он должен был держать его в морге до бесконечности?

– Не до бесконечности, а пока мы... Эх, да что теперь говорить-то? Ладно, тут уже ничего не поправишь! А почему ты еще здесь?

* * *

Даже когда новенькая «Тойота» Дэна притормозила на пустыре возле лесополосы, я все еще не испытывала уверенности в том, что поступаю правильно. В конце концов, кто я такая, чтобы вмешиваться в личную жизнь взрослого молодого человека? Денис имеет полное право возмутиться, если, не дай бог, узнает, что я приперлась туда, куда он меня вовсе не приглашал. Я все ломала голову над тем, что могло заставить Дениса заняться делом, которое так ему не подходит. Может, он вляпался в неприятности и ему срочно понадобились деньги? Конечно, он мог бы обратиться к отцу, который только и ждал возможности с ним помириться, но надо знать Дениса, чтобы понимать: он никогда на это не пойдет.

– Мам?

Голос сына вернул меня к реальности.

– Ты идешь или как?

Неуверенно обозрев местность, я увидела, что вокруг внушительных размеров ангара, обшитого листовым железом, которое местами проржавело из-за влаги, собралось большое количество машин. Из них выходили люди, останавливались, чтобы поговорить друг с другом, из чего я заключила, что они знакомы и являются завсегдатаями подобных зрелищ, а потом шли внутрь. Мужчины в дорогах костюмах под руку с девушками модельной внешности, деловые женщины в сопровождении молодых парней в косухах и джинсах, престарелые дядьки в ковбойских сапогах и еще много всякого странного люда, объединенного общим интересом к запрещенному виду спорта... Пардон, я бы даже спортом это не назвала, хотя о боях без правил знала лишь из передачи под одноименным названием, которую иногда показывают после полуночи на кабельных каналах. Интересно, что сказали бы коллеги этих благополучно выглядевших мужчин и женщин, работающих в банках и солидных фирмах, прознав об их необычном «хобби»?

– Ма?

– Иду я, иду, – вздохнула я и зашагала в сторону входа, около которого толкалась толпа людей.

– Я тебя подожду! – крикнул Дэн мне вслед.

Два здоровенных лба стояли у приоткрытой двери в ангар. Едва удостоив меня скужающим взглядом, один из них протянул огромную жменю, и я сообразила, что он требует предъявить жетон. Судорожно роюсь в сумочке, я нащупала кругляшок, переданный мне сыном, и вложила его в лапищу вышибалы.

– Добро пожаловать, – процедил он сквозь стиснутые зубы, изображая нечто, напоминавшее улыбку аллигатора.

Внутренне содрогнувшись, я просочилась в проход. Бесконечные ряды кресел, судя по всему утащенных из кинотеатров, выстроенных по кругу и рядами восходивших к потолку по типу амфитеатра, уже были заполнены более чем наполовину. Между рядами ходили полуодетые девушки с сумками-холодильниками и раздавали желающим пиво и закуски. Устроители действия, по всему было видно, стремились удовлетворить все возможные желания клиентов. У двери возникла некоторая заминка благодаря небольшой толпе людей, сгрудившихся в проходе. Я заметила невысокого полноватого мужчину в центре, который что-то записывал в блокнот – видимо, принимал ставки. Это подтвердило и то, что народ – в основном мужского пола – передавал деньги наголо бритому человеку в кожанке, стоявшему чуть позади букмекера. Скользнув по мне взглядом, он мгновенно потерял интерес к моей персоне, сразу распознав человека, не намеренного делать ставки, и вернулся к сбору денег. Пока я размышляла над тем, какое место можно занять, одна девушка из тех, что сновали по рядам, заметив мое замешательство, доброжелательно склонилась к моему уху, так как гвалт вокруг стоял невообразимый, и проговорила:

– Садитесь куда пожелаете – мест еще много. Но советую поторопиться, потому что минут через десять здесь яблоку будет негде упасть!

Я последовала ее совету и выбрала место с краю, но так, чтобы хорошо видеть ринг: вдруг я не выдержу зрелища и придется срочно ретироваться? Пока я усаживалась, в зал впустили огромную группу молодых людей, которые, как горох, мгновенно рассыпались по свободным местам. Прозвучавший вскоре за этим удар гонга, вывешенного справа от меня, возвестил о начале «представления». Сначала на ринг выскочили несколько пар молодых женщин. Они сцепились между собой, но я, хоть и не являюсь специалистом по борьбе, быстро сообразила, что они скорее изображают бой, нежели по-настоящему дерутся. Натертые маслом тела соблазнительно блестели в свете софитов, и возбуждение мужской половины зала достигло апогея, когда одна из девиц, самая здоровая и белокурая, как Брунгильда из древнегерманских мифов, раскидав соперниц по сторонам, воздела руки к потолку и издала победный клич. Зал взревел, и я поняла, что теперь должным образом «разогретая» толпа получит настоящее развлечение.

Первые два боя меня не особенно впечатлили: крепко сбитые мужички валяли друг друга по рингу. То, что я наблюдала, больше походило на греко-римскую борьбу, нежели на фильмы с Ван Даммом. Я уже решила, что Дэн, должно быть, ошибся и Денис не имеет никакого отношения к происходящему. Я даже привстала, собираясь протиснуться к выходу мимо букмекера с его головорезами, преграждавшими путь, как вдруг оглушительный рев, вырвавшийся одновременно из сотен глоток, заставил меня рухнуть обратно в кресло.

– Да, дамы и господа! – заорал в подвешенный к потолку микрофон ведущий и одновременно рефери, одетый в переливающийся всеми цветами радуги пиджак с невообразимым галстуком-бабочкой. – Да, сейчас вы увидите то, зачем пришли сюда, то, ради чего потратили деньги и сделали ставки! Дамы и господа, на ринге Костя-Убийца Гром!

Я так поняла, что «убийца» и «гром» – это клички, и тут же получила возможность убедиться в том, что они как нельзя лучше соответствуют действительности. Мужик, выскочивший на ринг, едва не сбив при этом рефери, был воистину огромен – сразу вспоминались сказки братьев Гримм про великанов-людоедов, потому что насколько этот человек был велик, настолько же и уродлив. Большая бритая голова, вся в складках на могучем затылке, напоминавшем морду шарпея, необъятных размеров грудная клетка с выпирающими мышцами, должно быть, заставляющими любую рубашку вздыбливаться колом, и ноги, похожие на стволы деревьев, могли ввергнуть в панику кого угодно. Я мысленно помолилась за того несчастного, который решится выйти на ринг, чтобы сразиться с этим человеком-горой.

– А теперь, дамы и господа, – вновь заверещал ведущий, когда Гром вдоволь наигрался собственными мышцами, злобно тараща глаза на зрителей, – один из наших постоянных бойцов, молодых, но уже хорошо зарекомендовавших себя, – Белая Кобра!

Зал взревел еще громче, а я едва не свалилась под сиденье, потому что на середину ринга выбежал не кто иной, как сын моей подруги.

– Боже правый... – вырвалось у меня. Женщина лет пятидесяти, по виду – бизнес-леди, повернув голову и, очевидно, неправильно истолковав мой возглас, улыбнулась и плотоядно сверкнула глазами из-под стекол очков:

– Классный, да? Говорят, с некоторыми из этих ребят можно договориться и после матча неплохо провести время. Этот, чур, мой!

– Побойтесь бога, он же еще совсем мальчишка! – возмущенно прошипела я, пытаюсь урезонить сексуально озабоченную дамочку.

– Мальчишка? Да вы что, смеетесь?

Денис сейчас и в самом деле вовсе не походил на того парня, которого я знала. Он действительно казался намного старше и больше, хоть и не настолько, чтобы в полной мере соответствовать Грому. Нет, и дурацкую же кличку ему дали – что еще это за Белая Кобра, скажите на милость?

Пока я переваривала зрелище, от которого кишки мои слиплись и подкатили к самому горлу – вопреки всем законам биологии, рефери благоразумно слинял в зал, и на ринге остались лишь двое бойцов. Их мощные тела блестели в свете софитов. Казалось, стоя друг против друга, под громкие крики и свист зрителей противники оценивали потенциальные возможности друг друга.

– Сейчас начнется! – радостно прошептала мне в самое ухо соседка.

Я ее радости отнюдь не разделяла, потому что Гром выглядел столь внушительно, что запросто мог свалить и гораздо более сильного противника, чем Дениска. Видимо, дама заметила мою нервозность.

– В первый раз пришли, да? – сочувственно поинтересовалась она.

Я нехотя кивнула.

– Да вы не переживайте, – она попыталась подбодрить меня. – Этот Гром, он, конечно, мужик здоровущий, но неповоротливый.

В самом деле, через пару мгновений мне предоставился шанс понять, почему Дениса называют Белой Коброй. Гигант попер на него, словно трактор, выставив перед собой огромные кулачищи и бешено вращая глазами. Денис же продолжал спокойно стоять в своем углу ринга, ожидая нападения. Когда до противника оставалось несколько сантиметров, он внезапно сделал бросок и, проскочив под стволоподобной рукой Грома, оказался у него за спиной. Прежде чем Костя успел среагировать, Денис, раскрутившись на месте, выкинул вперед правую ногу и ощутимо ударил его в поясницу. Мне показалось, что я слышу хруст костей.

– Ну, я же говорила! – воскликнула моя соседка. – Этот парень что надо: я поставила на то, что толстяк продержится не дольше пяти минут.

Господи, она еще и деньги на это смертоубийство ставит!

Между тем Гром, быстро оправившийся от удара, развернулся и, совершив обманный маневр, обрушил на оказавшееся временно беззащитным плечо противника всю свою мощь. Не удержавшись на ногах, Денис рухнул на татами, но успел откатиться в сторону, прежде чем Гром опустил свою ножищу прямо на то место, где только что находилось его лицо. Моя соседка громко выдохнула, и на этот раз я была с ней полностью согласна, потому что секунду назад едва не выскочила на ринг в попытке хоть как-то защитить Дениску. Правда, выяснилось, что моя помощь ему вряд ли необходима: вскочив на ноги одним рывком, парень перекувырнулся через голову под радостный вой толпы и, поднырнув под Грома, сделал подсечку. Великан зашатался, тщетно пытаясь восстановить равновесие, но Денис, обхватив его за лодыжки, сильно дернул соперника на себя, в результате чего Костя оказался в невыгодной позе: лежа на спине и барахтаясь, словно ламантин. Не знаю, почему мне пришло в голову это сравнение, ведь ламантины – весьма приятные животные, а Костя Гром не возбуждал во мне никаких положительных эмоций. Денис уселся на мужика верхом, сжимая коленями его бока и не позволяя ему нанести себе сколько-нибудь значительный урон кулаками. Однако, несмотря на, казалось бы, безвыходное положение, Грому удалось каким-то образом выкрутиться. Через несколько секунд противники практически поменялись ролями – теперь Денис оказался под гигантом, а это уже было опасно, так как их весовые категории разительно отличались и Костя мог легко раздавить моего подопечного. Тем не менее этого не произошло: получив увесистым кулачищем в скулу, Денис все же сумел перекатиться на бок и, словно угорь, выскользнул из рук Грома. Дальше дело решали секунды. Наскочив на великана сзади, Денис двумя точными ударами ног – в шею и поясницу – дезориентировал его, после чего последовала серия ударов в разные точки огромного тела, сотрясавшегося при этом словно в конвульсиях. В результате Костя Гром повалился на бок. Он пытался встать несколько раз, но непрекращавшиеся удары Дениса мешали ему это сделать. Гонг возвестил о конце схватки, и Гром, громко ругаясь, заколотил кулаками по татами. Подскакивший к бойцам рефери схватил Дениса за запястье и вздернул его руку над головой. Рев толпы почти оглушил меня, но мое внимание было приковано к лицу Дениса. Такого выражения, какое было у него в этот момент, я никогда не могла даже представить себе. Мальчик, которого я знала всю жизнь, превратился в хищного зверя с перекошенным от сознания собственной победы лицом, с расплывавшимся под глазом багровым пятном, разбитыми в кровь губами, открывавшими волчий оскал зубов. Не будучи в силах это наблюдать, я резко поднялась, и в этот момент мой взгляд встретился с глазами Дениса. Его лицо мгновенно изменилось. На нем попеременно промелькнули выражения растерянности и испуга, но я быстро отвернулась и, надеясь, что он решит, что просто ошибся, кинулась к выходу, не обращая внимания на недовольное шипение зрителей, которым я помешала наслаждаться зрелищем.

Протиснувшись сквозь строй бритоголовых охранников, я вырвалась на улицу и шумно вдохнула вечерний воздух. Мне немного полегчало, но тут позади раздался голос:

– Тетя Агния, погодите же!

Обернувшись, я увидела Дениса. Он не успел одеться, сразу же рванув за мной вслед, и сейчас стоял передо мной обнаженный по пояс и босиком, хотя под ногами у него уже было не татами, а засыпанная мусором и осколками битого стекла грязная земля пустыря.

– Возвращайся обратно, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и спокойно. – Ты можешь порезаться...

– Это неважно! Как вы здесь очутились?

– Какое это имеет значение?

– Это Дэн, да? Конечно же!

– Он полагает, что мне следует об этом знать.

– Да что такого-то? – передернул плечами Денис. – Разве я кого-то ограбил? Или убил?

– В первом я сомневаюсь, а вот что касается второго – рано или поздно это может произойти: либо ты покалечишь, а то и убьешь кого-нибудь, либо тебя!

– Вы преувеличиваете, тетя Агния!

Этот разговор посреди пустыря совершенно мне не нравился, поэтому я собралась было повернуться и уйти, не дожидаясь дальнейших объяснений, но в последнюю секунду передумала.

– Скажи мне, Денис, зачем тебе все это? – спросила я.

– Кому какое дело, как я зарабатываю на хлеб?

– Тебе нужны деньги? – удивилась я. – Ты же подрабатываешь в больнице, да и твой отец...

На лице Дениса появилось такое выражение, что я поняла: не стоило упоминать имя Виктора. Я знала, что, как бы парень ни нуждался в финансах, он ни за что не взял бы у отца ни копейки – настолько сильна была ненависть, жившая в его душе с тех пор, как отец ушел к другой женщине, предав мать парня. Возможно, Денис пережил бы это и относился к Виктору иначе, если бы уход отца не был обставлен столь циничным образом: муж оставил Люду в тот самый момент, когда она больше всего нуждалась в его помощи. Тогда ей грозило несправедливое обвинение во врачебной ошибке. Денис обратился к отцу за поддержкой, как к известному в городе и весьма успешному адвокату, но тот решил не вмешиваться. Люда выкрутилась самостоятельно, и дело так и не дошло до суда, но с тех самых пор само упоминание имени отца вызывало у Дениса приступы злобы. Кроме того, Виктор долгое время не общался с сыном, и этого Денис также не мог ему простить. Позже отец попытался наладить отношения с сыном, но я узнала, почему это произошло: новая жена Виктора оказалась бесплодной, и мужчина, приблизившись к тому возрасту, когда начинаешь задумываться о будущем, сообразил, что необходимо как-то навести мосты с единственным сыном и наследником. Однако все его попытки оставались бесплодными: Денис всячески демонстрировал отцу, что не желает иметь с ним никаких дел.

– Ты мог бы обратиться ко мне, в конце концов! – добавила я, видя реакцию парня. – Если тебе понадобятся деньги...

– Дело не в этом!

– Тогда в чем же? Скажи мне, и мы, может быть, сумеем решить твою проблему.

– Да нет никакой проблемы, тетя Агния! – раздраженно воскликнул Денис. – Почему вы не можете оставить меня в покое?

– Потому, – холодно ответила я, – что об этом просила меня твоя мать перед смертью! Потому, что я знаю тебя всю твою жизнь и не могу безучастно наблюдать за тем, как ты калечишь свою судьбу!

Открыв сумочку, я вынула визитную карточку Павла Кобзева, психиатра, работавшего со мной в Отделе медицинских расследований, и протянула ее Денису:

– Возьми.

– Что это? – спросил он.

Я видела, что парень, с одной стороны, хочет, чтобы я ушла, а с другой – похоже, боится, что, если я это сделаю, он потеряет последнюю связь с покойной матерью.

– Позвони этому человеку, – ответила я. – Позвони и поговори с ним: если кто-то и в состоянии тебе помочь, так это он.

– Но я...

Не слушая объяснений Дениса, я развернулась на каблуках и зашагала к машине: сегодня я уже насмотрелась и наслушалась всего в полной мере. В душе моей все кипело, но одновременно я ощущала непреодолимое чувство жалости к мальчику, который, несмотря на высокий рост и хорошо развитую мускулатуру взрослого мужчины, по-прежнему оставался для меня ребенком. Я знала, что не должна оборачиваться, потому что в этом случае не смогла бы переломить ситуацию в свою пользу. Оставалось лишь надеяться, что страх полного обрыва отношений с нашей семьей заставит Дениса задуматься и сделать правильный выбор. Правда, я не была уверена в том, что это произойдет, ведь мы слишком далеко ушли от того времени, когда мое слово действительно что-то для него значило.

* * *

Огонь в камине весело трещал. Несмотря на разгар лета, после невыносимой жары внезапно наступили холода, и дожди принялись заливать Питер и его пригороды потоками воды. По этой причине Артему было так приятно вытянуть ноги перед камином, заботливо растопленным Раби, домоправителем Андрея Лицкявичуса, главы Отдела медицинских исследований и его доброго друга. Андрей расположился на диване, а его большой мраморный дог удобно устроил свою огромную морду на коленях у хозяина, время от времени поглядывая на Артема. При этом его сильно выраженные надбровные дуги забавно двигались вверх-вниз.

– Отличный у тебя кофе, Андрей Эдуардович, – удовлетворенно проговорил майор, отпивая очередной глоток из тонкостенной фарфоровой чашки. На самом деле у Лицкявичуса все было отличным – и кофе, и коньяк, и дом, и квартира на Лиговском проспекте. Тем не менее, несмотря на свою любовь к качественным дорогим вещам, Андрей был напрочь лишен снобизма, которым обычно отличаются люди, многого достигшие в жизни. Он не был привязан к вещам и легко расставался с ними. Порою Артему казалось, что его приятель существует в некой параллельной реальности, почему-то придя к такому выводу, что блага «этого света» мало что значат в системе ценностей. В этом Андрей, по мнению Карпущина, походил на средневекового монаха: он принимал все дарованное ему свыше с благодарностью, но готов был мгновенно отказаться от этого, если того потребуют Бог и Вера. А вот Андрей не верил в Бога. Даже больше: Артем, пожалуй, в жизни не встречал настолько воинственного атеиста, как его друг. Веру Андрею заменяла работа – как врачебная, в Центре реконструкционной и пластической хирургии, так и в Отделе медицинских исследований.

– Я рад, что тебе нравится, – сказал Андрей в ответ на реплику гостя. – Но тебя что-то беспокоит?

– Да нет... Пожалуй, нет.

– Врешь, Артем Иванович, – покачал головой Лицкявичус. – Давай-ка выкладывай свою историю, а то я что-то совсем заскучал.

– Что, у отдела нет никаких интересных дел?

– Тишь да гладь.

– Тогда у меня, возможно, есть чем тебя развлечь, – ухмыльнулся майор. – В городе завелся вампир.

– Что, прости?

– Ты не ослышался: в Питере орудует вампир! Может, даже не один.

– Э-э-э... Ты серьезно?

– Сам не знаю, но по всему выходит, что да!

Андрей немного помолчал.

– Ты же не поугаждать меня пришел, верно? – произнес он наконец. – Не предупредить, чтобы я после темноты на улицу ни-ни?

– Да нет: хочу воспользоваться возможностями ОМР, если не возражаешь.

– Какими именно возможностями?

– В частности, Кадреску.

– Почему сам ему не позвонишь?

– Ты же его знаешь, – пожал плечами Артем. – Леонид не станет работать с органами без твоей личной просьбы – он терпеть не может таких, как я!

В этом высказывании определенно была доля правды.

– Хорошо, я с ним поговорю, – согласился Андрей. – Но зачем тебе Кадреску? Разве твои ребята не справляются? Егорыч...

– Понимаешь, – перебил Артем, – Егорыч, конечно, мужик хороший, да и спец неплохой, однако у него, как бы это сказать, глаз «за-мылен».

– Хочешь сказать, что он верит в теорию о вампирах?

– Вот именно! А Кадреску не поверит – ни за что.

– Это верно – пока сам Дракулу не увидит лично, своими глазами...

– И пока не разложит его на своем столе и не вскрыет собственными руками, – заключил и майор.

– И много ли жертв? – поинтересовался Андрей спустя несколько минут.

– Несколько дней тому назад мы вскрыли могильник.

– Могильник?

– Самый настоящий. Там захоронили шесть тел.

– Может, это маньяк какой-то? Почему вы решили, что это дело рук вампира?

– Ну, во-первых, среди убитых имеются как мужчины, так и женщины, а ты и сам знаешь, маньяки редко распыляются на разнополых жертв, предпочитая либо одних, либо других. Кроме того, способ убийства исключает обычного маньяка: все покойники потеряли по меньшей мере два-три литра крови – еще при жизни, отчего и скончались впоследствии.

– Серийный убийца и вампир – одновременно? – с сомнением покачал головой Андрей. – Убитых опознали?

– Только двоих. И то хорошо, ведь эти ребята – бомжи, люди, как говорится, потерянные для общества.

– Интересный выбор... для вампира, – задумчиво заметил Андрей. – Может, он считает себя своего рода санитаром?

– Ой, и ты туда же? – Артем разозлился, его голос поднялся на пару тонов.

– Уймись, майор! – поморщился Андрей: несмотря на проведенную ему операцию – с вполне благополучным исходом, – он все еще оставался весьма чувствительным к громким звукам и не переносил высоких частот. – Я же не говорю, что верю в вампиров, я лишь пытаюсь понять, почему бомжи?

– Думаешь, я не пытаюсь? На самом деле все довольно просто: бомжи – самая легкая добыча из всех возможных, не считая детей. Но детей станут искать, полиция собьется с ног, СМИ примутся кричать об этом, не переставая. Другое дело – люди, которых никто не будет искать!

– Да-с-с, и все же ты чего-то недоговариваешь, Артем Иванович: ни за что не поверю, что Леонид нужен тебе только для того, чтобы «размылить» глаз Егорыча!

Карпухин заерзал в кресле, чем лишь подтвердил догадку Андрея.

– Ладно, ты непременно желаешь моего позора?

– Позора?

- Напортачил я, признаю. Доволен?
- Доволен, но все еще не понимаю.
- Очистили мы могильник, установили личности двух жертв, Егорыч написал заключение – и мы благополучно кремировали всех, так как даже найденные нами родственники отказались взять на себя заботу о погребении.
- И что?
- А то, что несколько дней тому назад обнаружилась еще одна жертва вурдалака – молодой парнишка. И он, в отличие от предыдущих, вовсе не являлся лицом без определенного места жительства!
- И кем же он являлся?
- Вроде бы мальчик из хорошей семьи.
- Да, с такими как раз больше всего проблем.
- У родителей с ним были не самые близкие отношения.
- Подростки!
- Точно. Парень шлялся где-то по ночам, с кем общался – неизвестно.
- Наркотики?
- Судя по отчету патолога – обычный «клубный» набор, но парнишка не был отъявленным наркоманом. И боюсь, вот тут-то у нас и начнутся настоящие неприятности!
- Кажется, до меня начинается кое-что доходить, – закивал Андрей. – Пока речь шла о бомжах, это никого особенно не задевало, но новая жертва – ребенок из благополучной семьи, и это означает...
- Панику! – прервал его Артем, воздев палец к потолку. – Панику это означает – вот что. Только представь себе, как раздухаются СМИ – такая классная тема! Они уже подсустились и взяли интервью у родителей погибшего, – сюжет недавно прошел на нескольких телеканалах. Народ станет бояться на улицу выходить, все начнут по домам прятаться и, чуть что, звонить в полицию с сообщениями о том, что их сосед, приятель или родственник – вампир, понимаешь? А если еще вообразить, какое количество «бдительных» граждан решат взять дело в свои руки и примутся вгонять осиновые колья в сердца «подозреваемых»...
- От картины, изображенной твоей «кистью художника», Артем Иванович, прямо-таки дрожь пробегает! – передернул плечами Андрей, словно ему и в самом деле стало холодно.
- Верещагин отдыхает! – согласно хмыкнул майор.
- Так чего же ты хочешь от Кадреску?
- Хочу, чтобы он придумал для меня другую причину смерти парнишки.
- Придумал?
- Не «придумал», конечно, но помозговал бы – как такое могло произойти? С Егорычем вести беседы бесполезно: он обложился какой-то литературой экзотико... энцо...
- Эзотерической? – подсказал Андрей.
- Во-во, этой самой, и читает ее, да еще и цитирует мне оттуда про всякую нечисть. Тьфу, даже говорить противно!
- Да, тяжело тебе приходится, – посочувствовал ему Андрей.
- Врагу бы такого не пожелал! Вот потому-то мне и нужен Леонид. Беда в том, что на данный момент в моем распоряжении нет ни одного тела, и ему придется иметь дело лишь с отчетами своих коллег. Эх, если бы мы не поторопились с теми трупами бомжей и если бы парня не отдали, и предкам...
- Артем выглядел таким уставшим и раздосадованным, что Андрею захотелось хоть как-то его утешить.
- Я тебе вот что скажу, – произнес он уверенно, – если для происходящего существует какое-либо логическое объяснение, Кадреску его отыщет!

* * *

Квартира Павла Кобзева всегда вызывала у меня острое недоумение, слишком уж казенный вид она имела. И дело не в том, что его апартаментам не доставало уюта – совсем напротив, интерьер выглядел вполне симпатичным, но лишенным индивидуальности. Наверное, пациентам здесь приятно и комфортно – модернистский стиль, современная живопись на стенах, приглушенное освещение, создаваемое спрятанными в потолке крошечными лампочками, – все это создает атмосферу, располагающую к откровенности, что совершенно необходимо для успешных сеансов психотерапии. Однако мне почему-то казалось, что у Павла где-нибудь должно быть другое «гнездышко» – личное, только для него одного. Я знала, что он «счастливо разведен» – этот термин придумал сам Кобзев, обозначая ситуацию, когда после бракоразводного процесса обе стороны не пострадали морально и материально и, не имея претензий друг к другу, продолжают общаться в дружеской манере. Я также в курсе того, что Павел, человек отнюдь не бедный, оставил жене квартиру и обеспечил жильем детей. Тем не менее меня не оставляет мысль о том, что Кобзев не из тех, кто станет жить там, где работает, особенно учитывая контингент, который к нему заходит. Конечно, в большинстве своем его клиенты, вернее пациенты, – народ адекватный и «обремененный» большими деньгами, и все же в практике психиатров принято избегать чересчур близкого общения с больными. Излишняя привязанность пациента к психиатру вызывает зависимость, и, соответственно, если пациент неуравновешен и склонен к насилию, врач не может чувствовать себя в безопасности. Именно поэтому в этой квартире нет ничего личного – ни фотографий семьи, ни вещей, которые могли бы выдать какие-либо индивидуальные пристрастия Павла. Вместо них – несколько встроенных аквариумов, призванных вызывать у клиентов состояние расслабленности и умиротворения, мягкие диваны неправильных форм с обивкой пастельных тонов, под цвет штор, и ослепительная чистота повсюду: к Кобзеву трижды в неделю приходит женщина, поддерживающая порядок в квартире.

– Присаживайтесь, Агния, – улыбаясь сквозь усы, предложил мне Павел, ставя на низенький журнальный столик серебряный поднос с чашками кофе и неизменной бутылочкой коньяка. Именно Павел приучил меня к этому крепкому напитку, ведь до него я пила только сухие красные вина и шампанское, а Кобзев убедил меня, что коньяк – благородный напиток, обладающий неповторимым вкусом (если, разумеется, он настоящий и дорогой).

Я последовала приглашению, с удовольствием ощущая, как мягкий диван нежно обволакивает мое уставшее за день в операционной тело. Павел плеснул мне в кофе немного коньяку, и я с наслаждением пригубила горячий напиток. Признаюсь, я ожидала, что Кобзев заговорит первым, но он почему-то тянул, как заправский инквизитор, и я не выдержала:

– Значит, Денис все-таки вам позвонил?

– Как ни странно, да, – кивнул Павел. – И сам попросил о встрече.

– И?

Кобзев ответил не сразу.

– Вы правильно сделали, что уговорили Дениса связаться со мной, – сказал он наконец. – Такие, как он, редко обращаются за помощью к специалистам, полагая, что с ними все в порядке, а потом...

– Что – потом? – задала я вопрос, так как Павел не закончил фразу. – Это что, серьезно?

– Человеческая психика, Агния, такая вещь – серьезнее некуда. У вашего парня проблемы, хотя это и не совсем моя область.

– Что вы имеете в виду?

– Вам знаком термин «адреналиноголик» или «адреналиновый маньяк»?

– Что-то такое слышала... где-то, – пробормотала я, судорожно пытаюсь собрать воедино крупницы информации, которую когда-либо слышала по данному вопросу. – Это, если не ошибаюсь, человек, увлекающийся экстримом, да? Его психика требует постоянной встряски?

– Ну, не совсем... Понимаете, Агния, проблема куда глубже, чем кажется на первый взгляд. Арчибальд Харт, известный психиатр, считает, что адреналиновая зависимость имеет не психологическую, а химическую природу. Вещество, вызывающее адреналиновую зависимость, производится самим организмом. Гормон адреналин и комплекс других соединений, попадая в кровь, вызывают у человека состояние, которое можно определить как «кайф». В результате – невероятный прилив энергии, обострение чувств и способностей, при одновременном снижении чувствительности к боли – физической и душевной.

– Как у наркомана?

– В точности! Видите ли, ничего плохого в острых увлечениях нет – до тех пор, пока они служат лишь острой приправой к нормальной жизни. Зависимость измеряется не высотой экстатического взлета, а глубиной энергетической «ямы», в которую сваливается человек. Если он теряет интерес и мотивацию ко всему, кроме своей страсти, использует ее для ухода от проблем, если ему не хватает энергии для повседневных дел – это уже диагноз.

– И вы хотите сказать, что Денис...

– Тяжело болен, да. Каждый из нас снабжен сложной защитной системой для выработки нужной реакции на угрозу нашей жизни. Когда мы ощущаем ситуацию как чрезвычайную, наш организм откликается мгновенно: учащается пульс, ускоряется процесс пищеварения, в кровь впрыскиваются «гормоны стресса». Этот механизм быстрого «ответа» на опасность помог выжить нашим пещерным предкам, и именно он мешает современным людям, ведь стрессы нынче стали частыми и продолжительными и способны держать нас в напряжении день за днем! Когда мы терпим, а не действуем, беспокойные гормоны напрасно мечутся в крови, разрушая наше здоровье. Поэтому некоторые люди незаметно для себя превращают жизнь в поле битвы и таким образом дают выход гормону стресса. Стресс повреждает сосуды и ведет к образованию холестериновых бляшек даже у абсолютно здоровых людей. Высокий уровень адреналина подвергает риску систему пищеварения, поэтому гастриты и язвы – постоянные спутники людей, живущих в состоянии хронического стресса. Наконец, хорошо известно, что стресс вызывает подъем артериального давления, нарушает сон. Однако он разрушителен не всегда и не для всех, а потому некоторые люди предпочитают сами вгонять себя в это состояние.

– Но зачем? – с недоумением спросила я.

– А затем, что стрессы могут быть прекрасны и благотворны, рождая вдохновение, давая человеку энергию для выполнения какого-либо трудного дела, силы для преодоления препятствий. Каждый спортсмен знает, как важно «завести» себя перед игрой. Подъем активности, расширение возможностей под воздействием стресса ощущаются как что-то очень позитивное. И вот люди начинают – сознательно или нет – загонять себя в стресс, чтобы просто приняться за дело или довести его до конца. Человек с нерешенными проблемами часто ищет встряски, и риск возникновения зависимости при этом достаточно высок. С другой стороны, некоторые мои коллеги всерьез считают экстрим одним из самых надежных способов реабилитации наркоманов после того, как они уже слезли с иглы и вернулись к обычной жизни! Обывательское существование их не устраивает, им нужен такой же «высокий градус», такая же страстность самого процесса жизни. Принципиальная разница между людьми химзависимыми и адреналинщиками состоит в том, что у последних не происходит деградации личности.

– Но вы сказали, что какой-то там специалист определяет эту зависимость именно как химическую? – прервала я Павла.

– Доктор Харт? Да, действительно, адреналиновая зависимость иногда возникает. Чаще всего как следствие дисфункции надпочечников, иногда – при нарушении обмена веществ

и избытке некоторых ферментов. Те, кто этим страдает, испытывают жгучую потребность в совершении рискованных поступков. После каждого «приключения» они чувствуют себя лучше, а если лишаются этого глупого риска, выработка секретов адреналина и норадреналина в их организме подавляется, и им становится не по себе. Кстати, заметьте: болезнь Паркинсона тоже начинается с дефицита адреналина и норадреналина!

– Типун вам на язык. Какой, к черту, Паркинсон – Денису всего двадцать три года!

– А как же, скажем, Майкл Джей Фокс?

– Кто-кто?

– Актер, сыгравший главную роль в фильме «Назад, в будущее!».

– И что с ним?

– У него как раз Паркинсон. Болезнь началась где-то после тридцати лет и быстро прогрессировала, так что некоторое время он вообще не был в состоянии сниматься, и многие считали, что он навсегда выпал из обоймы кинобизнеса.

– А этот Фокс – он что, тоже был адреналиновым маньяком?

– Об этом мне ничего не известно, просто к слову пришлось. Понимаете, Агния, мне бы не хотелось, чтобы вы воспринимали проблему вашего подопечного слишком легко, потому что на самом деле это не игрушки! Денис, видимо, всегда был подвержен определенной зависимости, а то, что произошло с его матерью, и дальнейший разрыв отношений с отцом привели к обострению ситуации. Оказавшись в экстремальных условиях, организм человека начинает вырабатывать специальные вещества – эндорфины. Это, как вам известно, естественные наркотики, обладающие морфиноподобным, или опиатным, действием. Они образуются в головном мозге и вызывают у человека состояние легкого опьянения, эйфории, дают эффект обезболивания. Выделение эндорфинов запускает механизм защиты от перегрузок, стимулирует деятельность центральной нервной системы, а также временно повышает умственную и физическую работоспособность.

– Это настолько ужасно?

– Как посмотреть. Не так давно американские исследователи определили и выделили специальный ген, который в самих клетках головного мозга регулирует адреналиновую зависимость. Он провоцирует человека идти на риск, побуждает и подталкивает его к поиску острых ощущений. Азартному человеку не сидится на одном месте, он спешит жить, все время выискивая и придумывая для себя всякого рода сложности и препятствия. Но это – не главное.

– Что же тогда?

– А то, что если, как утверждает наш друг Арчибальд Харт, адреналиновая зависимость и впрямь имеет чисто химическую, а не психологическую природу, то чем дальше, тем большие встряски понадобятся нашему «наркоману». Если взять обычного торчка, ему постепенно становится мало обычной дозы, и он начинает ее увеличивать – до тех пор, пока не случится передозировка и он не отбросит коньки. То же самое и с адреналиновым маньяком.

– Разве можно умереть от избытка адреналина?

– Ну, как врач, вы должны понимать, что такой вариант не исключен – хотя, если у вашего парня здоровое сердце, доза адреналина должна прямо-таки зашкаливать, чтобы убить его.

– Это ведь невозможно, да?

– Помилуйте, Агния, кто же способен делать такие предсказания? Но я говорю вовсе не о таком, достаточно маловероятном исходе.

– Тогда о каком же?

– Потребность в адреналине становится зависимостью в том случае, если она закрепляется на физиологическом уровне, изменяя биохимию мозга и делая необходимыми постоянные выбросы гормонов адреналиновой группы. Здесь могут играть роль генетическая предрасположенность и формирование психики в детском и юношеском возрасте, однако постоянные стрессовые перегрузки, как в случае Дениса, не проходят бесследно и приводят к истощению

резервных сил организма, часто вызывая проблемы неврологического характера – вегетативные кризы, развитие гипертонической болезни, инсульты. Но и это еще не самое страшное.

– Вы меня пугаете, Павел! – пробормотала я, пытаясь выдавить на губы улыбку в надежде на то, что Кобзев просто слегка преувеличивает. То, что он не попытался меня успокоить и остался совершенно серьезным, заставило меня по-настоящему заволноваться.

– Вспомните, что происходило с большинством авантюристов, обожавших экстремальные ситуации? Революционер Че Гевара, пират Мартин Фробишер, та же Мата Хари – рано или поздно все они плохо кончили. Говорят, что несчастные случаи с такими людьми происходят реже, чем с другими, но это лишь в процентном соотношении. Сами подумайте: если вы летаете на самолете раз в год в отпуск, а кто-то вынужден проводить в самолетах полжизни, так как авиаперелеты являются неотъемлемой частью их работы, – кто рискует больше?

– Разумеется, те, кто летает чаще.

– Конечно – если не принимать во внимание такие антинаучные вещи, как «судьба», «рок» или «фатум». Как говорят, кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Но это так, шутка. А на самом деле вы, конечно, правы – все работает согласно теории вероятностей. То же самое и с адреналинщиками: рано или поздно они могут попасть в такую ситуацию, когда просто-напросто погибнут. У них снижена оценка степени риска, то есть они редко по-настоящему верно могут определить, насколько серьезна опасность, – они приветствуют ее! Денис сильно рискует, так как он, к несчастью, занимается не горными лыжами, сноубордингом или серфингом и даже не гонками – он участвует в боях без правил. В нашем случае эти бои на самом деле не имеют никаких правил, так как организовываются на криминальные деньги. В этом бизнесе крутятся огромные бабки, которыми владеют очень крутые ребята – настолько крутые, что ваш Денис даже не поймет, во что он ввязался, пока не будет слишком поздно. Ставки, которые делаются в этой области, весьма высоки – гораздо выше, чем в профессиональных видах спорта. Поэтому неизбежны «договорные» бои, и Денису рано или поздно сделают «заманчивое» предложение. Мне удалось немного понять его характер за время нашей беседы, и я могу с уверенностью сказать: он не польстится на деньги, потому что для него это – спорт, чистый адреналин без всяких примесей, а материальный аспект... Что ж, он присутствует в качестве фона – только и всего.

– Это вы сейчас говорите мне, что следует подготовиться к его похоронам? – возмущенно воскликнула я. – Вы же врач, так посоветуйте, что нам делать!

– Успокойтесь, Агния, я вовсе не имел это в виду...

– Как же, не имели!

– Я лишь подчеркнул, что Денису необходима помощь – и не только специалиста, но и семьи.

– Вы же в курсе, что Люда умерла, его папаша – записная сволочь, а двоюродная бабушка...

– Я не имел в виду пожилую женщину, которая и сама-то с очень большим трудом справляется с этой жизнью, чтобы еще кому-то помочь. И уж, конечно, речь не о Викторе Агееве. Я говорил о вас и вашей семье.

Я виновато опустила глаза. В самом деле, прощения мне нет: Люда именно меня просила взять Дениса под свое крыло, а я решила, что с окончанием дела «Парацельса» закончился и срок действия данного мною обещания. Значит, вот что она имела в виду, когда писала – «позаботься о Дениске»! Она имела в виду не то конкретное дело, которым занимался ОМР, – конечно, она ведь даже не представляла, что именно произойдет, как и понятия не имела о степени участия в деле ее собственного сына! Люда либо знала, либо догадывалась о проблеме Дениса и понимала, что, оставшись один, он может увязнуть в этой своей адреналиновой зависимости.

– Не ваша вина, что вы не смогли стать Денису второй матерью, – словно читая мои мысли как открытую книгу, успокаивающе проговорил Павел. – Во-первых, он слишком взрослый для этого. Во-вторых, у него уже была мать, и заменить ее невозможно. И, наконец, в-третьих, вы понятия не имели о том, насколько серьезна его проблема. Только за то, что вы сообразили обратиться за помощью к врачу, вам уже нужно поставить памятник в бронзе!

– Лишь бы не Дениске в бронзе, – мрачно пробормотала я.

– И я вовсе не утверждал, что ему невозможно помочь. Он сейчас растерян, не уверен в том, что действительно нуждается в помощи, считает, что у него все в порядке, а вы только напрасно нагнетаете обстановку. Проблема в том, что термин «адренолиновая зависимость» до сих пор не признан официальной наукой, поэтому убедить пациента в том, что он нуждается в лечении, практически невозможно. Оптимальный вариант, если во время консультации с врачом составляется индивидуальная программа лечения, включающая в себя нормализацию давления, восстановление сна, повышение настроения и тонуса пациента с помощью правильно подобранного сочетания антидепрессантов активирующего типа.

– Антидепрессантов! – с сомнением и тревогой воскликнула я.

– По необходимости. Может статься, что это и не понадобится, но исключать такую возможность не стоит. Я могу порекомендовать вам телефон специалиста...

– Нет, Павел, так не пойдет! – перебила я. – Не думаю, что Денис согласится обратиться к другому психотерапевту – даже по вашей рекомендации. Я прошу, чтобы им занимались лично вы! Деньги – не проблема, если...

– Я ведь не из-за денег предложил подключить своего коллегу, Агния, – покачал головой Кобзев. – Просто считаю неэтичным иметь дело с пациентом, который слишком близок с той, с кем я, в свою очередь, так же близко общаюсь.

– Я все понимаю, Павел, и все же прошу согласиться: я доверяю только вам.

Психиатр с минуту молчал, пребывая в нерешительности.

– Хорошо, – вздохнув, произнес он наконец. – Пусть будет так. А вообще-то, Агния, наш мальчик неправильно выбрал профессию – отсюда и большинство его проблем. У врача, как вы понимаете, мало возможностей получить то, чего ему так недостает: надо было сразу идти в пожарные или спасатели. Возможно, в этом случае Денис и не дожил бы до старости, но его смерть, случись такое несчастье, по крайней мере, была бы не напрасной.

* * *

Женщина, сидевшая через стол от Андрея, выглядела изможденной. Ее лицо было приятным, но слегка желтоватым, и он рискнул предположить, что она больна. Андрей редко принимал жалобников лично – обычно ему «спускали» дела либо из Комитета по здравоохранению, либо непосредственно от майора Карпухина, когда тот понимал, что одними специалистами из органов внутренних дел им не обойтись и требуется привлечение медицинских работников. Однако Вика сказала, что эта женщина, Александра Журова, приходит уже несколько дней подряд, но до сих пор так и не смогла встретиться лично с Андреем, так как он почти не появлялся в офисе ОМР, будучи занят в клинике. Дама оказалась весьма упорной особой.

– Вот, – сказала она, едва усевшись на стул и протягивая Андрею выписку из истории болезни.

Он бегло просмотрел написанное неразборчивым почерком.

– Простите, но я не понимаю, какое отношение... – начал он, но женщина его перебила:

– У меня гепатит С.

– Но я не венеролог!

– Вы – тот человек, который занимается расследованием случаев халатности и злоупотреблений в сфере медицины в нашем городе. Я правильно понимаю?

– Правильно.

– Тогда я пришла по адресу: этих людей нужно наказать!

– Каких людей? – все еще недоумевая, спросил Андрей.

– Врачей. Вернее, одного врача, как минимум того, кто произвел мне пересадку почки.

– Где вас оперировали?

– В ФГУ.

– Вы имеете в виду Федеральный центр сердца, крови и эндокринологии – Центр «Алмазов»?

– Да. Во время операции произошла большая кровопотеря, и мне несколько раз переливали кровь. Именно тогда меня и заразили гепатитом С.

Андрей испытал острое чувство жалости. Молодая привлекательная женщина, пережившая диализ, а потом еще и сложнейшую операцию, могла бы наслаждаться нормальным существованием, но ее лишили этой возможности, потому что из-за чьей-то неадекватности она заполучила неизлечимое заболевание!

– Кто проводил операцию?

– Никита Исаев.

Андрей надеялся, что выражение его лица не очень сильно изменилось при упоминании этого имени, но Журова беспокойно поинтересовалась:

– Вам плохо, Андрей Эдуардович?

– Н-нет, – пробормотал он внезапно севшим голосом. – Почему... – Он прокашлялся, пытаясь скрыть замешательство. – Почему вы обвиняете именно Исаева?

– Но ведь это он был ведущим хирургом! – пожалала плечами посетительница. – От него зависит весь процесс и исход операции.

– Вы пытались выяснить происхождение крови, которую вам перелили?

– Пыталась, но вы же знаете, что бывает, когда пациент начинает задавать вопросы, – они обычно остаются без ответа, а врачебное руководство ограничивается отговорками и отписками!

Да уж, Андрею не надо было это объяснять: пациенту так же трудно вести собственное расследование в медицинском учреждении, как иностранцу пытаться делать то же самое в чужой стране. Он никогда не получит прямых ответов на свои вопросы, его будут гонять по инстанциям, пока он в конце концов не устанет и не опустит руки. Обычно Андрей с готовностью соглашался помогать больным, но сейчас в его голове впервые мелькнула мысль: может, оставить все как есть и позволить бюрократической машине совершить свой бесполезный круг и оставить пострадавшую ни с чем? В конце концов, она всего лишь один-единственный человек, от которого ничего не зависит...

Глаза Александры Журовой с ожиданием и надеждой смотрели на Андрея.

– Вы обращались в полицию или прокуратуру? – спросил он сухо.

– Да, но они ничего не предпринимают. Ах да, совсем забыла: это было бы не так ужасно, если бы с меня, ко всему прочему, не требовали денег!

– Денег?

– Да, двадцать пять тысяч пришлось заплатить.

– За что – за операцию?

– За кровь.

– Переливание крови осуществляется на бесплатной основе. Единственное, о чем могут попросить в больнице, так это чтобы ваши родственники сдали свою кровь – если ожидается большая кровопотеря.

– У меня редкая группа. Мне сказали, что таких групп обычно не хватает, так что... Мало того, что я деньги выложила, так меня еще и заразили! В общем, дело мое лежит под сукном, а полиция и прокуратура бездействуют – уже больше двух месяцев прошло.

Андрей собрался было сказать, что два месяца – это еще далеко не предел для рассмотрения подобных жалоб и что, скорее всего, пациентка получит очередную отписку. Однако ничего такого он не сказал.

– Я займусь вашим делом, – произнес он, едва шевеля губами. – Оставьте свои данные у секретаря, и я перезвоню, как только у меня появятся какие-то сведения.

Лицо женщины осветила надежда. Андрей же мечтал лишь о том, чтобы она поскорее ушла. Нет, на самом деле ему хотелось, чтобы они никогда не встречались.

* * *

Погода вновь была отвратительной. Дождь лил уже третьи сутки подряд, словно природа вознамерилась в точности следовать предсказаниям астрологов о грядущем конце света. Неужели это начинается второй Всемирный потоп? – спрашивал себя Артем, кряхтя, вылезая из старенького автомобиля прямо под струи воды. Несмотря на разгар лета, они были ледяными, и это тоже оптимизма не прибавляло.

– И что тут у нас, Егорыч? – недовольным голосом поинтересовался он, подходя к судмедэксперту. На лице пожилого, выдавшего виды мужчины застыло выражение безысходности.

– Сам погляди, – хрипло отозвался он, и майор, взглянув на тело, сглотнул неприятный комок в горле.

– Это то, что я думаю? – спросил он.

– Похоже, – кивнул судмедэксперт.

Громко крякнув, Карпухин опустился на корточки. Тело принадлежало молодой девушке не старше восемнадцати лет. Короткий топик, обнажавший ее живот и пупок с пирсингом, джинсы с опущенной талией, едва прикрывающие тощий зад, – типичный пример современного подростка. Взяв руку девушки, майор внимательно осмотрел ее ногти.

– Есть шанс, что под ними обнаружится эпителий нападавшего? – задал он вопрос.

– У других ничего не обнаружено, – ответил эксперт. – Но проверить все равно надо.

Только теперь Артем приступил к осмотру непосредственно самого тела. Кожа жертвы была очень белой, а в глазах, широко распахнутых и слепо пялившихся на тучи над их головами, застыло выражение страха – хотя, возможно, майору просто показалось: пустоту во взоре покойников часто трактуют как захотят, в зависимости от обстоятельств смерти. Невольно при этом вспоминалась ошибочная криминалистическая теория, в свое время, однако, пользовавшаяся большой популярностью. Согласно ей, в зрачках людей, умерших насильственной смертью, отражается лицо убийцы.

– Было бы здорово, – пробормотал майор, не осознавая, что говорит вслух.

– Что? – спросил Егорыч, наклоняясь поближе. – Ты что-то сказал?

– Я? Да, я спросил о предположительной причине смерти.

– Если не считать того, что из нее пили кровь?

Вскинув голову, Артем взглянул в глаза эксперту:

– Брось, Егорыч, ты что, и правда в это веришь?

Губы собеседника сжались в упрямую ниточку.

– Ты видишь это отчетливо, как и я? – спросил он, ткнув пальцем в две маленькие дырочки у основания шеи покойной.

– Да, но... Послушай, мы же оба – люди, обремененные научным материализмом. Неужели ты веришь в сказки о вампирах?

– Разумеется нет! – возмутился судмедэксперт, но то, как он при этом отвел взгляд, говорило об обратном, а также о том, что ему и самому стыдно в этом признаваться.

– У нее на глазных яблоках петехиальные кровоизлияния, – заметил Артем, продолжая осмотр. – Удушение?

– Возможно – перед... этим.

– Что-нибудь при ней обнаружили? Ну, вещи какие-то, сумку?

– Вот.

Егорыч протянул майору кожаный рюкзачок. Кошелек в нем не оказалось, но Артем, пошарив внутри, обнаружил три маленьких пузырька то ли с шампунем, то ли с гелем для душа, и еще косметичку.

– Ты вот сюда погляди, – Егорыч приподнял ступню жертвы, обутую в сиреневую «балетку». – Ничего не замечаешь?

– Она чистая, а вокруг – грязь.

– То-то и оно: по всему видно, убили ее не здесь. Да и следы борьбы отсутствуют, хотя, конечно, дождь ведь идет... Скорее всего, произошло это в помещении, а уж потом девочку привезли сюда и выкинули, как мусор.

– Странный способ избавиться от тела, да? – задумчиво пробормотал Артем. – Если уж грохнули девицу, то почему бы, скажем, не сбросить ее в водоем, коих у нас в Питере пруд пруди, извини за каламбур, или не закопать в каком-нибудь парке или лесочке?

– Это уж, Иваныч, тебе решать – что да как, а мое дело маленькое: установить причину смерти и орудие убийства. Хотя вот с этим, пожалуй, проблемы возникнут! А тебе я, честно признаюсь, не завидую: теперь городские власти с тебя с живого не слезут, пока ты им убийцу не найдешь!

– погоди, Егорыч, еще не известно, связаны ли предыдущие убийства с этим!

– Да ну? – скептически изогнул бровь судмедэксперт.

– Ты вспомни – те, другие жертвы, были бомжами, скитались по всему городу, сегодня здесь, завтра там, а эта девица вовсе не выглядит бездомной.

– А тот парнишка, Киреев? Сдается мне, могут найтись и другие тела. Налицо явная серия, и ты прекрасно понимаешь, что это означает!

– Эта малышка не из простых, – заметил между тем майор, словно бы не слыша слов Егорыча. – Ты на ногти ее посмотри: маникюр дорогой, какие-то блестящие штучки по краям – наверняка такое «художество» немалых денег стоит.

– Да, но, кроме этого, никаких доказательств ее состоятельности не существует! – возразил эксперт. – Может, она на последние деньги «погуляла»? Ни часов, ни драгоценностей...

– Так она же тут давно лежит, а райончик-то благополучным никак не назовешь – давно уже могли стащить все, что на ней было, – продолжал развивать свою теорию Артем. – Да и сами убийцы могли цапки поснимать... Или вот, на это взгляни, – приподняв посиневшую верхнюю губу убитой, Карпухин указал на ровный ряд белых зубов. – Ты у бомжей такие видел?

– Так она ж молодая совсем! – пожал плечами Егорыч.

– Да нет, вот же – вставка какая-то в зубе, не видишь, что ли?

Судмедэксперт нагнулся и пригляделся:

– Действительно... Похоже, страза какой-то?

– Так что, Егорыч, забудь о вурдалаках! – твердо заявил майор, кряхтя разгибаясь. – Должно быть другое, нормальное объяснение случившемуся. И я его найду.

* * *

– Так почему вы обратились ко мне, Артем Иванович?

Именно этот вопрос задал Карпухину Леонид Кадреску, когда майор заявился к нему в конце рабочего дня и попросил патологоанатома провести вскрытие погибшей девушки. Разговаривая с Андреем, Артем еще не знал, что скоро «всплывет» новое тело: до сих пор у него на руках имелись лишь отчеты Егорыча и другого патологоанатома, работавшего по трупам Киреева. Мужчины друг друга недолюбливали. Майор побаивался Кадреску, считая его стран-

ным. Леонид, с его высоченным ростом, худой, но со спортивной фигурой, смоляными волосами, каким-то непостижимым образом презиравшими законы всемирного тяготения и стоявшими торчком на голове, с его высокими скулами, производил впечатление привлекательного и весьма ухоженного человека. Однако его глаза портили это впечатление: широко расставленные, но глубоко посаженные, они были черными и бездонными, как Гримпенская трясина³, и с ним совершенно невозможно было встретиться взглядом – создавалось впечатление, что Кадреску сознательно избегает зрительного контакта с собеседником. Уголки его широкого тонкогубого рта всегда были опущены вниз, словно патологоанатом испытывал презрение ко всем окружающим, независимо от их половой принадлежности, социального статуса и уровня образования. Артему порою казалось, что Леонид оценивает его умственные способности и его оценка отнюдь не польстила бы майору. Тем не менее, как ни крути, а Кадреску – гениальный патолог, которому вряд ли найдется равня во всем городе, поэтому, как ни старался Карпухин избежать этой встречи, она была неминуема.

– Видите ли, Леонид, – ответил он на вопрос патологоанатома, – мне необходимо авторитетное мнение и «незамысленный» глаз.

– Что значит – «незамысленный»?

– Понимаете, наш судмедэксперт считает, что мы имеем дело с...

Кадреску ждал, и майору пришлось закончить фразу, хоть он и представлял, какой эффект произведут его слова:

– Короче, он полагает, что мы столкнулись с проявлением... сверхъестественных сил, – с трудом выдавил он из себя.

Выражение лица патолога, как обычно, ни о чем не говорило. Удивился ли он, посмеялся в душе, счел ли майора психом – это осталось для Артема тайной.

– И что же сподвигло вас на столь неординарное предположение? – поинтересовался Кадреску спустя секунд двадцать, в течение которых Карпухин чувствовал себя полным идиотом.

– Когда вы увидите тело, сами поймете, – буркнул майор.

– То есть, – уточнил патолог, – вы хотите, чтобы я доказал, что причина смерти жертвы не была вызвана кознями дьявола или колдовством?

– Или укусом вампира...

– Простите?

– Нет, ничего... Именно этого я и хочу, вы правы. Так я могу на вас рассчитывать?

– Что ж, вы меня заинтриговали! – усмехнулся Кадреску. На мгновение его взгляд скользнул по лицу собеседника и тут же унесся в заоблачные дали. – Тащите ваше тело.

* * *

В последнее время наши встречи с Андреем вне ОМР стали редкими, и я порою задавалась вопросом – а не вообразила ли я наш роман? Мы виделись лишь в присутствии других людей, разговаривали в официальном тоне и никак не проявляли взаимной симпатии. Не скажу, что я мучилась чувством вины по отношению к мужу – в конце концов, это ведь он начал первым, изменив мне с коллегой из Москвы! Он часто мотался в столицу в командировки, и я понятия не имела, чем он там занимается помимо работы, – может, продолжает с ней спать? Нет, я не испытываю угрызений совести, хотя по-прежнему прекрасно отношусь к Олегу и не желаю резких перемен в собственной жизни, с таким трудом налаженной. Странно, мне всегда казалось, что я не из тех женщин, которые станут лгать и притворяться, изменяя мужу. Я полагала, что, едва ощутив, что мои чувства начинают угасать, я сразу же во всем ему

---

³ Гримпенская трясина – местность в графстве Девоншир, описанная Артуром Конан Дойлом в романе «Собака Баскервилей» и считавшаяся местом обитания чудовищного пса.

признаюсь и оборву отношения. Оказывается, это не так-то просто! Раньше я осуждала и мужчин, и женщин, которые, не умея разобраться в собственных чувствах, мечутся между семьей и любовью, а теперь и сама оказалась на их месте. Воистину – сытый голодного не разумеет, и, лишь пережив подобную проблему, можно с уверенностью сказать, как ты сам поступишь! Уже несколько недель подряд мы почти не общались с Андреем с глазу на глаз, поэтому я получила возможность отложить решение этой головоломки до лучших времен. Однако недавно Андрей позвонил и попросил о встрече. Я гадала о причине такой просьбы. Хорошо изучив его характер за время нашего общения, я была далека от мысли о том, что он просто соскучился. Самым ужасным стал бы процесс выяснения отношений. Я знала, что Андрей этого не любит, но рано или поздно момент истины наступит, а я все еще колеблюсь и не представляю, как развязать этот гордиев узел! Тем не менее, идя на встречу, назначенную в «нашем» кафе на проспекте Энгельса (мы старались избегать людных мест, чтобы ненароком не столкнуться со знакомыми), я надеялась рассказать Андрею о проблемах с Денисом и попросить его совета. Андрей – человек разумный и легко умеет находить выходы из безвыходных ситуаций. У него всегда наготове какое-нибудь «рацпредложение», и к нему, как к неистощимому источнику идей, я привыкла обращаться, попав в тяжелое положение.

Едва встретившись с ним взглядом, я тут же поняла, что беседу о Денисе придется перенести: давненько я не видела на лице Андрея такого потерянного выражения.

– Что случилось? – выпалила я, падая на стул и даже забыв поцеловать любовника. – Ты похож на покойника!

Обычно я избегаю сильных выражений – профессия медика накладывает свой отпечаток, и такие серьезные темы, как болезнь или смерть, становятся табу и не подлежат обсуждению вне работы. Тем не менее, глядя на Андрея, я просто не смогла подобрать других слов.

– Нужно поговорить, – сказал он. Тон его голоса был каким-то деревянным, словно слова давались Андрею с трудом. Привыкшая к его невозмутимости и способности в любых обстоятельствах рассуждать здраво, я не желала признавать, что и он может проявить слабость и растеряться.

– Это касается Никиты, – добавил Андрей.

Теперь, по крайней мере, мне стало ясно, почему он так озабочен. Никита был ему как сын – с собственной дочерью Андрей находился в весьма натянутых отношениях, а вот с пасынком бывшей жены от второго брака общий язык нашел легко. После того как Андрей спас жизнь Никите во время войны в Осетии и уберег его ногу от ампутации, парень считал его своим вторым отцом⁴. Андрей всегда трепетно относился к делам Никиты, и теперь, похоже, речь шла о серьезной проблеме.

– В чем дело? – спросила я озабоченно.

– Никите грозит серьезное разбирательство.

– Толмачев может иметь к этому отношение?

Андрей кивнул.

Нет, этот человек прямо-таки вездесущ! Только стоит подумать, что он отказался от попыток скомпрометировать ОМР и таким образом отомстить нам с Андреем, как он снова всплывает из небытия и отравляет нам жизнь! Впервые он влез в наши дела, когда, сместив Андрея, «водрузил» самого себя на пост директора Отдела и едва его не развалил, поувольняв или заставив сбежать практически всех сотрудников. Затем Толмачев погорел на деле о вакцине от гриппа и был отстранен. Андрея вернули на его место, но Толмачев не отказался от попыток уничтожить его и попытался отыграться на деле моего давнего приятеля, онколога

---

⁴ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Отказано выжить».

Кан Кай Хо⁵. К счастью, нам снова удалось ему помешать и найти настоящих виновных. И вот теперь опять он!

– Никита чист, как первый снег, – что у Толмачева может быть на него? – недоуменно спросила я.

– В этот раз все выглядит чертовски неприятно, – ответил он. – Никиту могут обвинить в торговле препаратами крови.

– Что? Это же чушь собачья!

– Ты права – чушь, но это нам с тобой ясно, а Толмачеву... Ты хоть представляешь, как он обрадуется, сообразив, что через Никиту сможет добраться до меня?

– Расскажи, что случилось, а то пока все, что ты мне говоришь, криптография какая-то! Одна голова хорошо, а две – сам знаешь.

– Потому-то я тебе и позвонил – больше никому об этом пока что знать не следует. Ко мне пришла женщина с обвинениями в адрес группы врачей из ФГУ: во время операции по пересадке почки ей, похоже, занесли гепатит С.

– Боже мой! – в ужасе я прикрыла рот рукой. Такие ситуации – кошмар любого оперирующего врача, но от них, к сожалению, никто не застрахован. – Это точно? – спросила я. – Может, она еще раньше...

– Мы проверили: пациентка поступила в больницу с нормальными анализами. До операции других хирургических вмешательств не было примерно в течение года. Но это еще не все.

– Боже мой, что еще-то?

– Жалобница утверждает, что Никита требовал с нее деньги за кровь.

– За ту самую, с которой ей занесли гепатит?

– Ага.

– Вот же...

– Согласен.

– Но погоди – при чем тут Никита? Кровью же занимаются отделение переливания крови и трансфузиолог?

– Никита – ведущий хирург в бригаде. Эта Журова, пострадавшая, утверждает, что не разговаривала непосредственно с Никитой о переливании. Вернее, он, конечно, предупредил ее о том, что кровь потребуется, но о деньгах не сказал ни слова. Журова беседовала с кем-то другим и именно ему передала конверт с деньгами, который принес ее муж.

– Значит, с трансфузиологом?

– Я с ним уже говорил – он все отрицает.

– А Никита?

– Он вообще понятия не имеет, о чем речь, – возмущен и растерян.

– Разумеется, разумеется... Главное, что мы с тобой в нем уверены, так?

– Нет.

– Что-о?

– Да я не о том, что я не уверен, я о Толмачеве.

– Журова ходила к нему?

– Она ходила в Комитет. Там ей дали адрес ОМР и Комиссии по этике. Слава богу, сначала она пришла ко мне!

– Но Толмачев обо всем узнает?

– Непременно: Журова полна решимости.

– Я бы тоже была – на ее месте!

Андрей опустил голову на руки:

---

⁵ Читайте об этом в романах Ирины Градовой «Рай для неудачниц», «Хоровод обреченных» и «Химия преступной страсти».

- Не представляю, что делать!
- А прокуратура, полиция? – спросила я. – Журова подала заявление?
- Естественно, но ты же понимаешь, они не слишком обеспокоены – говорят, трудно доказать, что гепатит занесли именно во время этой операции.
- Я же говорила!
- Ты не понимаешь – так считает прокуратура, а Толмачев уж точно не преминет меня как-то задеть, можешь не сомневаться!
- Да я и не сомневаюсь, – кисло ответила я. – Они хотя бы опросили операционную бригаду?
- Да, но только сейчас, узнав, что делом занялись мы, представляешь? И похоже, козлом отпущения может стать Никита.
- Ты говоришь, трансфузиолог ничего не знает о плате за кровь?
- Утверждает, что даже не виделся с пациенткой. У нее, между прочим, редкая группа, но он заверил меня, что никаких проблем не предвиделось, потому что кровь и плазму заказывали в НИИ гематологии и трансфузиологии и ее должно было хватить.
- И кто же тогда разговаривал с Журовой?
- В том-то и вопрос! Но для Толмачева это не будет иметь значения: он насядет на Никиту и скажет, что тот, естественно, не стал бы сам разговаривать с Журовой, а подослал бы кого-то из бригады, а то и вообще какого-нибудь «левого» человека, чтобы потом отбрехаться...
- Ну, врачи частенько этим занимаются – требуют с пациентов деньги за кровь, а ее иногда вообще не переливают, но как пациент об этом узнает, находясь под наркозом? – напомнила я.
- Да, но с Журовой содрали двадцать пять тысяч!
- Сколько-сколько?
- Ты слышала.
- Просто невероятно! И она заплатила – без возражений?
- Ну, сама представь: ты сидишь на диализе, а это мучительная, крайне утомительная процедура. Ты не можешь вести нормальный образ жизни и долгое время дожидаясь пересадки почки... Ты в курсе, какие проблемы с органами во всем мире, а уж в России-то, где не существует системы изъятия здоровых органов у безнадежных пациентов, – и подавно! И вот тебе говорят, что почка есть, но, как известно, изъятые органы долго не живут и, если не поторопиться, она уйдет к другому, а то и вообще пропадет. Ты в спешном порядке готовишься к операции, и вдруг тебе сообщают, что есть проблемка, небольшая такая: крови твоей группы почему-то нет в больнице.
- Ее можно заказать!
- Можно, но на это нужно время, а его-то как раз и нет!
- Родственники?
- К сожалению, у всех другая группа. Пациентка же не станет бегать по больнице с вопросами и возмущаться по поводу того, что кровь ее группы отсутствует!
- И она платит.
- Конечно. И если бы не приобретенный гепатит С, уверен, Журова ни за что не пошла бы искать правды!
- Пациенты никогда ее не ищут, – согласилась я. – Если все как-то обходится.
- Так вот на этот раз – не обошлось.
- Что требуется от меня?
- Попытайся выяснить, откуда поступила кровь, перелитая Журовой. Вернее, официально это известно – из НИИ гематологии и трансфузиологии, но что-то подсказывает мне, что все могло быть иначе.

– Я вообще не понимаю, как такое могло произойти, ведь кровь тщательно проверяют, верно?

– Верно, и правила обычно строго соблюдаются. Чтобы стать донором плазмы, надо предварительно сдать кровь не менее трех раз, а затем пройти дополнительное обследование – ЭКГ, ФЛГ, у терапевта; женщинам – у гинеколога, сделать анализ мочи... Кроме того, при обращении в отделение переливания крови необходимо иметь при себе паспорт с питерской регистрацией, действующей в течение не менее полугода, – короче, тот еще геморрой!

– Теперь ведь сдача крови адресная, и тот, кому ее переливают, может при желании даже узнать имена доноров?

– Верно.

– Хорошо, я все сделаю. А очную ставку еще не проводили?

– Какую еще ставку?

– Ну, между Журовой и членами операционной бригады. Может, она опознала бы того, кто «отжал» у нее деньги?

– Я бы не слишком на это надеялся, ведь это ее слово против слова любого из них. Более того, может выясниться, что ни с кем из бригады Журова вообще не разговаривала – для этой цели могли использовать санитаря, медбрата, да кого угодно!

– Столько усилий – и ради чего?

– Не скажи – сумма-то не совсем обычная!

– Да, как правило, берут от пятисот рублей до полутора тысяч, а этому неизвестному человеку скромность явно не помеха в делах.

– Значит, ты поняла? У нас две проблемы. Первая – Никита и тот, кто обобрал Журову.

– Да, и вторая – как вообще кровь, зараженная гепатитом С, попала в больницу?

– Правильно... А ты-то как – вообще? – внезапно спросил Андрей, меняя тему, и я слегка растерялась, погрузившись в размышления о предстоящем деле.

– Почему ты спрашиваешь?

– Мы почти не видимся, и это – моя вина.

– О какой вине ты говоришь, Андрюша? – пожала я плечами. – Мы оба – занятые люди...

– Брось, Агния, ты прекрасно понимаешь, о чем я! – покачал он головой.

Конечно, я понимала. Если кто и виноват в том, что мы с Андреем мало общаемся, так это я, ведь именно я отговариваюсь занятостью, когда не знаю, хочу ли продолжать наши отношения. Мне всегда неудобно обсуждать свою личную жизнь с Андреем – здорово, конечно, если принять во внимание нашу с ним интимную связь! Но ничего не поделаешь – такой уж я человек: сначала сама напрашиваюсь на проблемы, а потом бегу от них.

* * *

Я не стала откладывать посещение НИИ гематологии и трансфузиологии в долгий ящик и отправилась туда в первый же свой выходной. У меня случаются свободные дни на неделе, скоро уже год, как я перешла на полставки. В нашей больнице такие фортели не приветствуются, однако, к счастью, меня ценит заведующая отделением. Думаю, не будь этого, мне бы предложили подать заявление об уходе. Не скажу, что не размышляла об этом: Андрей предлагал мне полставки анестезиолога в своей клинике реконструкционной хирургии и всегда готов меня принять. Однако я – человек привычек, не любящий перемен. В конце концов, я проработала в своей больнице почти двадцать лет, и менять ее на другое место – это мне не улыбается. Ситуация с половиной ставки разрешилась в мою пользу, и теперь у меня в больнице всего три рабочих дня, а остальное время я могу посвящать либо себе, любимой, либо ОМР. Многие из моих коллег недоумевают по поводу того, что, имея мужа, занимающего пост главного врача частной сетевой клиники, я продолжаю ходить на работу, но, честно говоря, я

просто не представляю, чем занималась бы в противном случае. Мама в последнее время без конца намекает на то, что я могла бы попробовать родить ребенка – ха, это в сорок-то лет! Но маму мой возраст не останавливает. «Медицина сильно продвинулась за последние двадцать лет, – твердит она каждый раз, когда речь заходит о возможности зачатия. – Рожают и в сорок, и в сорок пять – даже в пятьдесят, если здоровье позволяет! Дэн уже большой, а тебе необходим кто-то, о ком можно заботиться. Поздний ребенок – большая радость, так как только в определенном возрасте научаешься ценить материнство».

В чем-то она, несомненно, права. Когда я рожала Дэна, мне едва исполнилось восемнадцать. Появление ребенка, пусть и желанного, мало изменило мою жизнь. Дэн существовал рядом, я выполняла все функции, которые требуются от матери, – благо мама с папой всегда были под рукой, готовые мне помочь, но не уверена, что я в полной мере осознавала свою собственную роль в жизни сына. Конечно, постепенно я менялась, менялось и мое отношение к этому, я приобретала опыт и вкус к тому, чтобы заниматься ребенком, но все это происходило как бы между прочим. Если бы теперь я решилась на повторную беременность, то определенно отнеслась бы иначе и к ней, и к тому новому человечку, которому суждено было бы появиться на свет через девять месяцев. Но я вовсе не уверена в том, что хочу этого. Мои взаимоотношения с Андреем и Олегом настолько усложнились на данный момент, что я не могу поставить жизнь ребенка в зависимость от того, что творится в моей собственной судьбе. Хотя Шилов обрадовался бы, ведь он всегда хотел детей. Его собственная маленькая дочка от первого брака трагически погибла, и он нуждался в том, чтобы на кого-то излить нерастроченные отцовские чувства.

Но все это не имело отношения к моему визиту в НИИ. Сейчас необходимо оправдать Никиту, хотя, признаться, я не сомневалась, что он и без нас справится. Андрей явно решил «перебдеть» – ну, это понятно, учитывая их с Никитой трогательные отношения. Я встретила с замом директора, так как «сам» уехал на разборки в Комитет. Замом оказалась дородная, симпатичная женщина лет пятидесяти, с высокой прической и шиньоном – а мне-то казалось, что такие прически в стиле Зыкиной или Быстрицкой давно вышли из моды! В ее ушах тускло поблескивали массивные серебряные серьги, они покачивались и позвякивали при каждом движении головы Ольги Петровны Иночкиной – так звали зама.

– Вы не представляете, что сейчас у нас творится! – горестно всплескивая руками, восклицала она чуть ли не через слово. – Просто война и немцы... Из Комитета звонят каждый божий день, требуют отчета, а как мы можем дать отчет, ведь кровь-то у нас хорошая, чистая, и никак невозможно, чтобы кто-то заразился такой гадостью, как гепатит С! Условия хранения никогда не нарушаются, все очень строго...

– Вы меня, конечно, простите, Ольга Петровна, – мягко перебила я женщину, – но условия хранения вряд ли имеют отношение к заражению пациентки гепатитом.

– Да-да, вы правы, – согласилась она, – но условия забора крови также не предполагают ничего подобного! Все наши сотрудники отлично осознают, что через кровь и ее компоненты высока вероятность передачи особо опасных вирусных инфекций: ВИЧ, СПИДа, гепатита – и именно это является основанием для усиленных мер по обеспечению особых условий безопасности при заготовке и клиническом применении каждой дозы донорской крови!

– Не расскажете ли мне, как у вас происходит весь процесс? – попросила я. – Как медику мне, конечно, кое-что известно, но я же не специалист.

– Конечно-конечно! – воскликнула Ольга Петровна, всем своим видом демонстрируя готовность сотрудничать – даже ее сережки согласно зазвенели в такт словам и движениям хозяйки. Это действительно было в ее интересах, ведь репутация учреждения может здорово подпортиться, если вину НИИ удастся доказать. Каждый такой случай влечет за собой тяжелые разбирательства, при которых начальство, к которому относится и сама Иночкина, может серьезно пострадать.

– Я все вам расскажу, даже покажу, если желаете, – сегодня как раз день приема доноров, и вы сможете сами во всем убедиться, – продолжила замдиректора. – Донорскую кровь берут из вены в стерильных условиях, в специально подготовленные емкости, куда предварительно внесены антикоагулянт и глюкоза.

Я кивнула, смутно припоминая институтские лекции. На операциях, предполагающих большую потерю крови, присутствует трансфузиолог, поэтому мне не приходится ни о чем беспокоиться. На самом деле, до тех пор, пока не стала работать в ОМР, я даже не представляла, какие испытания могут поджидать пациента после операции. Для меня, как анестезиолога, хирургическое вмешательство – это и начало, и конец общения с больным (не считая краткой беседы за день до того, как мы встретимся в операционной). Для пациента же операция порою становится лишь первой ступенькой в череде серьезных последствий и осложнений. Разве могла пациентка Журова предположить, что мучительный диализ, прием тяжелых препаратов для стимуляции почечной деятельности и, наконец, такая долгожданная пересадка донорской почки приведут в конце концов к заражению гепатитом?

– Как долго вы храните препараты крови? – спросила я.

– Жидкую кровь – до трех недель. За это время в ней остается около семидесяти процентов от первоначального количества жизнеспособных эритроцитов. Поскольку этот уровень живых эритроцитов считается минимально допустимым, кровь, хранившуюся больше трех недель, для переливания не используют.

– А как насчет редких групп? Раз кровь долго не хранится, как можно быть уверенным, что пациент получит ее при сложной операции?

– О да, это большая проблема, – закивала Иночкина. – В наше время появились методы, позволяющие сохранить жизнеспособность эритроцитов в течение более длительного времени – к примеру, используя глицерин и другие вещества и при минусовых температурах. Заморозка позволяет не только создавать запасы обычной крови, но и собирать и хранить в специальных банках кровь редких групп. Кстати, сейчас часто речь идет не о переливании всей крови, а о компонентной терапии, когда под переливанием имеется в виду замена лишь тех элементов крови, в которых нуждается реципиент. Скажем, большинству людей, больных анемией, нужны только цельные эритроциты; при лейкозе требуются в основном тромбоциты, а в случаях гемофилии нужны лишь определенные компоненты плазмы. Цельная кровь применяется только с целью компенсации очень большой кровопотери, и сейчас ее используют для переливания менее чем в двадцати пяти процентах случаев.

– Ну, это как раз наш случай, – заметила я. – Пациентка имела редкую группу крови, и во время пересадки почки произошла довольно значительная кровопотеря.

– Между прочим, – вставила Иночкина, – редкие группы в наименьшей степени подвержены риску, ведь доноры, как правило, постоянные, и мы всех их знаем наперечет!

– Знаете, Ольга Петровна, еще с институтских времен я помню, что, помимо самой крови, порою используются кровезаменители...

– Это верно, – закивала Иночкина. – Если цельная кровь недоступна – а это часто случается, когда имеешь дело с проблемными группами, – могут быть использованы ее заменители. В качестве них чаще всего применяется сухая человеческая плазма, растворенная в водной среде.

– И еще я помню, – добавила я, – что недостаток плазмы как кровезаменителя состоит в том, что с ней может передаваться вирус инфекционного гепатита.

– Правильно!

Моя собеседница выглядела удивленной, словно я была студенткой, случайно давшей правильный ответ на весьма сложный вопрос.

– Однако, – продолжила она, – есть способы снижения риска. Например, вероятность заражения гепатитом уменьшается, если плазма в течение нескольких месяцев хранится при

комнатной температуре. Возможна также тепловая стерилизация плазмы, сохраняющая все полезные свойства альбумина.

– И вы всегда это делаете?

– Абсолютно!

– А Журовой переливали кровь или плазму?

– Нам пришлось поднять всю документацию по этому поводу – Комитет насел, да и Комиссия по этике прессует не по-детски, так что я могу дать вам совершенно точный ответ: Журовой переливали и кровь, и плазму, подвергшуюся тепловой обработке.

– От одного и того же донора?

– Нет. Пациентке требовалось большое количество крови, поэтому собирали, как говорится, с миру по нитке. И не сомневайтесь, после произошедшего с ней мы все образцы тщательно проверили и перепроверили несколько раз: никаких следов заражения не обнаружено!

Естественно, не обнаружено – разве кто-то согласится так подставиться? У меня не было оснований, чтобы слишком уж доверять словам Иночкиной, ведь из-за расследования сотрудники НИИ уже наверняка подсустились. Если даже они и нашли вирус гепатита, то ни за что об этом не сообщат, а теперь уж искать правду опытным путем бессмысленно!

– Имена доноров можно узнать? – поинтересовалась я.

– Разумеется, – ответила Ольга Петровна и, открыв лежавшую перед ней тонкую пластиковую папку, извлекла оттуда листок бумаги, на котором значились четыре имени. – Вот этот, Семенчук, сдавал кровь непосредственно для Журовой, а кровь Потапенко и Лаврова хранилась около двух недель в прекрасных условиях. И вот последний – Яикбаев.

– И все они, вы говорите, постоянные доноры?

– Все... кроме Яикбаева, – не вполне уверенным тоном добавила Иночкина. Это дополнение далось ей нелегко, но умолчать о нем означало бы вызвать ненужные подозрения, ведь я ясно дала ей понять, что все доноры будут тщательно проверены на предмет заболевания, передавшегося Журовой. – Видите ли, донорская кровь подвергается обязательному скринингу на наличие в ней антител против ВИЧ. Однако, как мы с вами знаем, антитела появляются в крови лишь спустя несколько месяцев после попадания ВИЧ в организм, поэтому скрининг не дает абсолютно надежных результатов. Сходная проблема возникает и при скрининге донорской крови на вирус гепатита В, а методы выявления гепатита С были разработаны лишь в последние годы. Так что, как ни печально это признавать, переливание крови всегда связано с определенным риском. Поэтому мы и пытаемся сейчас убедить высокое медицинское начальство в том, чтобы любой человек мог хранить в банке крови свою кровь, сдав ее, например, перед запланированной операцией, и это позволит в случае кровопотери использовать для переливания его собственную кровь!

– Ну, это все – дело будущего, причем далеко не самого ближайшего, – вздохнула я. – У вас есть адреса этих доноров?

– Да, но...

– Но – что?

– Дело в том, что у Яикбаева была временная регистрация.

– Просто здорово! – пробормотала я.

– Боюсь, вы не до конца понимаете суть проблемы! – заняла оборонительную позицию моя собеседница. – Думаете, легко в наше время добывать препараты крови?

Мне неприятно резануло ухо слово «добывать».

– Неужели все настолько плохо?

– А то! Как убедить людей в необходимости сдавать кровь, если мы ничего не можем предложить им взамен?

– Разве донорам ничего не платят? – удивилась я.

– Рассчитывать на денежное вознаграждение могут лишь доноры с редкой группой крови, то есть те, у кого отрицательный резус-фактор, а также постоянные доноры. Но, честно говоря, назвать эту сумму вознаграждением просто язык не поворачивается: за сто граммов крови можно получить сто рублей, а за сто граммов плазмы – аж сто двадцать!

– А максимальная доза крови, сданной за один раз...

– Четыреста пятьдесят граммов, – подхватила мою мысль Иночкина. – А плазмы – всего триста, вот и считайте! Все остальные категории доноров получают лишь сто рублей на обед, причем по специальному перечню продуктов питания – сами понимаете, деликатесов там нет.

– Да уж, на сто рублей не разгуляешься! – согласилась я.

– Лично я за то, чтобы обязательно платить донорам, но, к сожалению, большинство чиновников считают, что донорство в нашей стране должно быть безвозмездным.

– Получается, – проговорила я, сформулировав следующий вопрос, – Яикбаев, как и остальные, все-таки получил деньги?

– Да – если уж мы договорились называть эти крохи деньгами.

– И сколько раз этот товарищ сдавал?

– Вообще, кровь можно сдавать один раз в два месяца, а плазму – каждые десять дней. Яикбаев приходил три раза, судя по записям, а потом пропал.

– Когда он являлся в последний раз?

– Э-э-э... – Иночкина выглядела какой-то нерешительной. – Знаете, это нужно проверить. Честно, я не готовилась к такому вопросу!

– Тогда я прошу вас это сделать, – с нажимом сказала я. – Это очень важно!

Говоря это, я уже думала о том, как найти этого Яикбаева. Конечно, нужно непременно поговорить и с остальными донорами, однако личность этого человека казалась мне наиболее подозрительной. Судя по всему, Яикбаев – гастарбайтер. Это означает, что ему нужны деньги, поэтому он, обладая редкой группой крови, нашел источник дохода, пусть и небольшого, – стал донором. Конечно, на этом не разбогатеешь, но некоторое время продержаться можно. Остальные трое – постоянные доноры, поэтому вероятность того, что один из них является носителем вируса гепатита С, ничтожна. С другой стороны, гость из ближнего зарубежья вполне мог приехать в Питер, отправиться в центр переливания крови, не ведая о своей болезни. Или же он знал о ней, и тогда это – уголовно наказуемое деяние, квалифицируемое как «заведомое заражение». Не хотелось думать, что кто-то мог быть настолько беспринципным негодяем, чтобы заниматься такими вещами, ведь, по версии Иночкиной, Яикбаев приходил в НИИ не однажды! Однако именно его отыскать будет сложнее всего. Если у него была временная регистрация, то где, спрашивается, гарантия, что он по-прежнему проживает по тому же адресу?

Делать нечего, оставалось лишь надеяться, что мои худшие опасения не оправдаются и мы найдем этого Яикбаева, где бы он ни был!

* * *

– И каков вердикт?

Вопросительно подняв густые брови, майор выжидательно смотрел на бесстрастное лицо патологоанатома.

– Боюсь, я не могу полностью развеять ваши сомнения, – ответил Леонид. Его взгляд, как обычно, блуждал по прозекторской, не встречаясь со взглядом Карпухина.

– То есть?

– Кто-то и в самом деле высосал кровь из тела жертвы – правда, совсем немного.

– Погодите, вы хотите сказать, что мы на самом деле имеем дело с оголодавшим вампиром? Ему надоели бродячие собаки, и он решил...

– Не мелите чепуху! – прервал майора Кадреску.

– Но вы же сами сказали...

– Разве я говорил о каких-то вампирах?

– Но позвольте...

– Значит, так, Артем Иванович: в вампиров я, как и вы, не верю. У жертвы и в самом деле отсосали кровь – не знаю, как это было сделано, но только пресловутый Дракула не имеет к этому никакого отношения.

– Откуда такая уверенность – в смысле, кроме выводов теории научного материализма, вбитого в наши головы еще в институте?

– Ну, хотя бы оттуда, что, будь кровь натурально высосана из раны на шее старым добрым вампирским способом, я непременно обнаружил бы следы чужой слюны или частицы эпителия.

– Значит, ничего подобного вы не обнаружили? Что, вообще ничего?

– Я этого не говорил.

Артем еле сдержался, чтобы не вцепиться в густую шевелюру патологоанатома – с ним ведь совершенно невозможно разговаривать, так как он умудряется извращать смысл каждого неосторожно сказанного слова: судя по всему, ему доставляет удовольствие делать из собеседника полного идиота!

– И что же вы нашли? – почти прорычал майор.

– Тальк.

– Тальк?

– Похоже, ваш «вампир» орудует в резиновых перчатках, – пояснил Леонид.

– Интересно... Впервые слышу о таком!

– Я тоже.

– То есть он задушил ее... в перчатках, а потом каким-то образом откачал всю кровь?

– Во-первых, не всю, а всего миллилитров триста. И, как я уже упоминал, сделали это не там, где обнаружили жертву. Я разговаривал с вашим экспертом, и он также отметил, что следы крови на жертве и на асфальте отсутствовали. Да и, соответственно, причина смерти – не потеря крови: ее задушили.

– Но странгуляционной борозды нет...

– Артем Иванович, вы меня удивляете! Задушить человека можно десятком различных способов, не оставив никаких следов, однако в нашем случае следы все же имеются.

– И что за следы? – окончательно теряя терпение, спросил Артем. – То есть как именно задушили девушку?

– Подушкой. Перьевой подушкой, если быть точным, – я обнаружил в ее горле и бронхах маленькие перышки и пух.

Артем поздравил себя с тем, что обратился к Кадреску, не удовлетворившись скудными выводами судмедэксперта: в его отчете ни слова не было сказано об этом немаловажном факте!

– А у вас случайно нет каких-нибудь улик, могущих навести на мысль о том, кто же все-таки она такая, наша неопознанная жертва? – осторожно поинтересовался он, боясь снова сказать что-то не то и вызвать неудовольствие и сарказм со стороны Кадреску.

– Есть, причем совершенно не случайно. При нашей первой встрече вы предположили, что девчонка на бродяжку не тянет – слишком уж она ухоженная. Я проверил «страз» из ее зуба – это самый настоящий бриллиант.

– Брюлик, значит? Вот это да... А как насчет слепков зубов?

– Они есть, но, к сожалению, сравнивать-то не с чем – для этого нужно как минимум найти стоматолога, который делал ей эту вставку.

– И многие клиники в Питере предоставляют подобные услуги?

– Да практически все, – неопределенно пожал плечами Леонид.

Майор слегка сник: он-то думал, что у него реальная возможность опознать убитую.

– Но это еще не все, – продолжал Кадреску, и умершая было надежда Артема вновь начала расправлять крылья. – Наша девчушка не раз побывала в руках пластических хирургов.

– Да вы что – ей же лет-то сколько?

– И тем не менее против правды не попрешь. Она подправила себе нос и скулы, а также, к счастью, вставила грудные имплантаты.

– К счастью?

– К нашему с вами. Потому что теперь вы сможете установить, кто она такая: все имплантаты имеют идентификационные серийные номера, если они, конечно, сделаны в легальном медицинском учреждении.

Майор помолчал с минуту.

– Вы – гений, Кадреску! – изрек он наконец. – К сожалению, при жизни общественного признания вам не добиться – такова специфика страны нашего с вами проживания.

– О, я не честолюбив, – ухмыльнулся патолог. – Достаточно будет и вашего личного признания.

Леонид явно лукавил: он был не просто честолюбив, но даже, пожалуй, тщеславен. Артем не видел в этом ничего страшного – он и сам был не чужд этого недостатка, полагая, что в жизни ничего невозможно добиться без определенной доли здорового тщеславия.

– А как насчет отчетов о вскрытии прочих трупов? – осторожно поинтересовался он, ожидая взрыва негодования со стороны патолога. И этот взрыв не замедлил последовать:

– Да вы что, Артем Иванович, смеетесь? Когда бы я успел все это сделать?

– Не горячитесь – я же просто спросил! – выставя ладони вперед и словно бы защищаясь от возможного удара в лицо, воскликнул Карпухин.

– Ладно, – смягчился Леонид. – Я решил, что тело девушки – первоочередная задача, потому что оно ждать не может, а бумаги... Что ж, обещаю заняться ими в самое ближайшее время.

– И на том спасибо, – пробормотал майор. – Подождем...

– Но я еще не окончил, – совершенно неожиданно продолжил Леонид.

– Правда?

– Во-первых, под ногтями обнаружен эпителий – вполне вероятно, убийцы. И во-вторых, ваша жертва была беременна.

– Что-о?

– Недель шесть.

* * *

– Боже мой, бедная девочка!

Карпухин внимательно разглядывал человека, выражавшего, казалось, искреннее сочувствие жертве. Невысокий, но до крайности ухоженный пластический хирург с первого взгляда производил приятное впечатление. Загорелый, что ввиду дождливой погоды говорило либо о регулярном посещении им солярия, либо о недавнем отдыхе у моря, с коротко стриженными светлыми волосами. Очки в позолоченной оправе, тщательно отполированные ногти и выглядывавшие из-под отутюженного белого халата дорогие ботинки довершали образ успешного, состоятельного хирурга-пластика.

– Как, вы говорите, она умерла? – спросил Антон Зуев после короткого молчания, за время которого Артему и удалось сделать все эти наблюдения.

– Ее задушили.

– Боже мой... – вновь пробормотал врач, снимая очки и потирая переносицу.

– Значит, вам знакома эта девушка?

– Несомненно! А вы что, не?.. – он вопросительно посмотрел на Карпухина, водружая очки на нос.

– Мы не знаем, кто она, – подтвердил майор его невысказанные сомнения.

– Регина. Ее зовут Регина Симакова.

– Значит, грудные имплантаты – ваша работа?

Врач кивнул.

– А она не слишком молода для пластики?

– Ей было девятнадцать – для девушки это нормальный возраст. Будь она моложе, я бы за это не взялся, – ответил Зуев.

– У нас имеются сведения о том, что пластика груди – не единственный случай хирургического вмешательства.

– Правильно – я делал ей скулы и нос. Господи, это надо же: потратить столько денег и усилий на усовершенствование собственной внешности – и умереть такой страшной смертью в самом расцвете лет!

– И когда же вы виделись с Региной в последний раз?

Взгляд Зуева, устремленный на Карпухина, стал настороженным.

– Я что – подозреваемый?

– Бог с вами, доктор! Я просто стараюсь понять, когда состоялся последний визит вашей пациентки в клинику и не заметили ли вы чего-то необычного в ее поведении?

– Последний визит? Сейчас...

Зуев включил компьютер. Пока он копался в базе, Карпухин переключился на осмотр кабинета. Помещение было просторным, светлым и, видимо, недавно отремонтированным. Ничего особенного – обычный евроремонт, но, наверное, именно таким и должен быть кабинет уважающего себя врача, долженствующий убедить пациента в том, что доктор способен помочь ему справиться с его комплексами и устранить все видимые недостатки внешности. Над столом висели какие-то дипломы, некоторые из них, как заметил Артем, были на иностранных языках. До чего же эти врачи любят пускать пыль в глаза – словно они какие-то другие люди, не чета простым смертным!

– Вот, нашел! – пробормотал между тем Зуев, и майор «настроил» все свои антенны на получение полезной информации. – В последний раз Регина приходила почти три месяца назад.

– И что вы ей делали?

– Губки подправили.

– В смысле?

– В смысле формы и полноты.

– Ясно.

– Что же касается странностей, о которых вы меня спрашивали...

– Да?

– Ну, я не сказал бы, что Регина вела себя как-то необычно, однако она показалась мне слегка взвинченной.

– Взвинченной?

– Как будто она ожидала чего-то, понимаете?

– Вы в курсе ее личной жизни?

– Нет, извините, я стараюсь не вмешиваться в интимную сферу жизни своих пациентов и ограничиваюсь только профессиональной деятельностью.

– Может, вы и правы... Погодите-ка, как, вы сказали, ее фамилия?

– Симакова. И вы правы, она – дочь того самого Симакова.

– Де... путата Городской думы? – тяжело сглотнув, уточнил майор внезапно севшим голосом.

Кивок врача подтвердил его догадку. Черт, этого еще не хватало – мало ему «вампири-ской» теории, так еще и жертва не простая девочка, а «золотая»! Артем тут же представил себе, что начнется после того, как об этом пронюхают журналисты. И начальство... Об этом даже думать не хотелось!

* * *

Дэн шмякнул на столик два бокала «Гиннеса». Клуб «Антихрист» находился неподалеку от Стрелки Васильевского острова, открылся он недавно. Оставалось лишь удивляться тому, как хозяева заведения осмелились дать своему «детищу» столь провокационное название. Дэн пришел сюда исключительно потому, что его попросила об этом Татьяна, с недавних пор – его подруга. Они были вместе уже пару месяцев – для Дэна это срок, как со смехом говаривала его мать, поэтому Таня, будучи обозревателем глянцевого журнала «Брызги славы» (название звучало глупо, но это, видимо, было проблемой перевода, так как иностранное издание в оригинале называлось «*Splash of glory*»), рискнула попросить его посетить «Антихрист» вместо нее. Редактор дала Татьяне совершенно определенное задание – сделать обзор всех интересных новых клубов, появившихся в Питере за последний год. Они росли, как грибы после дождя, и, так как Татьяна являлась обозревателем «клубно-ресторанной» колонки, ей пришлось-таки потоптать землю. Неудивительно, что девушка просто зашивалась, не успевая выполнить задание, и Дэн милостиво согласился ей помочь. И так как он терпеть не мог ходить в клубы в одиночестве, то решил притащить с собой Дениса – тем более что мама просила его «присмотреть» за ним. Дэн не мог не отнестись к ее просьбе с некоторой долей иронии, ведь именно Денис был старшим в их тандеме, Дэн воспринимал его как весьма авторитетную личность; и все же порою Дэну казалось, что Денис гораздо более беззащитен перед реальной жизнью, нежели он сам. Ведь Денис редко куда-то ходит – не считая боев. Он практически не общается с девушками, несмотря на то что они на него заглядываются. Он не знает абсолютно ничего о жизни города вне своей работы и учебы – рестораны, кафе, клубы, театры остаются за кадром его существования. После смерти матери Денис как будто окончательно потерял связь с окружающим миром и ушел в себя. По-настоящему тесно он продолжал общаться только с Дэном, но даже с ним он отказывался делиться чем-либо сокровенным. Однако Дэн любил, когда жизнь бросала ему вызов, и был полон решимости растормошить друга и «вернуть его людям».

– По крайней мере, здесь продают хорошее пиво, – сказал он, усаживаясь рядом с Денисом.

– Ну, ты у нас спец, – равнодушно пожал плечами Денис, отпивая глоток из своего бокала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.